

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

**Артур Лесневский**

**Мясник из Грин Лейк**

Артур Лесневский  
**Мясник из Грин Лейк**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

## **Лесневский А.**

Мясник из Грин Лейк / А. Лесневский — «ЛитРес: Самиздат»,  
2019

Специальный агент Ирвин Маккинли ненавидит свою работу, коллег и свой город. Несколько лет назад агента перевели из отдела особо тяжких преступлений в отдел профилактики, от него ушла жена, без вести пропал его напарник и лучший друг. Все меняется, когда в его жизни появляется настоящее преступление и женщина... Но куда приведет его эта белая полоса? Фото на обложке из архива автора. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	34
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

## Часть 1

### Глава 1

Это было отвратительно и сырое утро. Но все же я мечтал вернуться обратно на дождливую улицу.

В доме было душно и воняло перегоревшим маслом, как в дешевой бургерной.

Я возненавидел это утро и достал из внутреннего кармана плаща фляжку. Дешевый бурбон обжег мне горло, и все стало еще отвратительнее.

В комнате, вокруг разбитой колонки, словно черви, ползали эксперты. Подозреваемый сидел на стуле, совершенно спокойный, до тошноты невозмутимый.

– Специальный агент Маккинли. – представился я и небрежно сунул ему свои документы. – Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Раз это необходимо. – вежливо ответил мне подозреваемый.

Все они такие вежливые.

– Что случилось с вашей колонкой? Мистер... – я еще раз заглянул в бумаги. – Робертсон.

– Она сломалась. С каких пор ФБР занимается сломанной электроникой?

– С тех самых. Сначала сломанная колонка, затем разбитая клавиатура и вот вы уже на смерть забиваете свою жену кондитерской лопаткой. Проецирование непроизвольной агрессии.

– Вам не кажутся эти ассоциации бредовыми?

– Бредовыми мне кажутся фильмы Дэвида Линча, все остальное моя работа.

– У меня были проблемы с воспроизведением музыки. Я подумал, что провод где-то перетерся, потянул его и колонка упала. Только и всего. Я не хотел бы тратить ваше время напрасно. По таким мелочам.

В отделе бихевиористики, откуда меня перевели сюда, мы считали мелочи самым главным.

– Это решать не вам. – ответил я. – В ближайшее время мы свяжемся с вами.

– Я нахожусь под подозрением? – все также спокойно спрашивал Робертсон.

– Не беспокойтесь. Вам лишь назначат психотерапию. Уроки управления гневом раз в неделю.

– В этом нет необходимости.

– Не волнуйтесь. Это никак не повлияет на вашу жизнь, карьеру... Психотерапевтов посещают все. Даже у Трампа он есть. Вам нечего бояться или стыдиться.

– Я надеюсь, вы разберетесь в этом недоразумении. Потому что у меня, в отличие от Трампа, плотный график работы и нет времени на психотерапевтов. – Робертсон вышел, оставив меня и экспертов в одиночестве.

Я знал, что он виновен. Слишком уж хорошо держится этот сукин сын, пока его дом переворачивают вверх дном. Да еще и обвинил нашего президента в праздности. Я таких насквозь вижу. Не зря же я специальный агент ФБР.

Не зря же отдел по делам связанным с проецированием непроизвольной агрессией будущая надежда закона. Надежда Америки.

Я вышел на улицу, и промозглый ветер ударил меня по лицу. Я вижу его насквозь. После того ублюдка Мартина. Он тоже держался. Контролировал ситуацию. Кошка, видите ли забралась на стол и опрокинула модем. А потом администратора его провайдерской службы нашли с вырванным сердцем в собственном офисе.

То окровавленное тело всплыло перед глазами. Капли дождя стекающие по лбу тщетно пытались смыть это видение. Я сморгнул, вновь залез под плащ и сорвал с предплечья никотиновый пластырь.

Все эти пластыри, жвачки, спреи, книжки Алена Карра – дерьмо. Я затаился и опустил взгляд в мутную лужу. Я вижу тебя насквозь, Робертсон.

## Глава 2

К обеду погода стала только хуже. От хаотичного и непрерывного стука клавиатур голова трещала. Еще и кто-то прибавил это придурка Первого свидетеля.

«У нас очередной выпуск криминальных новостей. С вами как всегда ваш Первый свидетель. Если вы в машине закройте окна, если рядом с вами дети или беременные женщины лучше выключите. Жестокое убийство на западе штата. Труп обнаружили в одном из университетов, изуродованным и надетым на телескоп! Полиция, пока не дает ни каких комментариев, но я и другие очевидцы уже придумали ему имя. Звездочет. Будьте осторожны, выходя на улицу. Звездочет все еще на свободе и возможно он захочет изучить именно ваш микрокосмос»

Звездочет. Какое остроумие. И как этого клоуна вообще пустили в эфир?

Я потер переносицу.

– Выключите это долбанное радио!

– Ты сегодня нервный Мак, сходи, покури, а то скоро на людей бросаться начнешь. – сказал мой напарник Пол.

Мне действительно надо было покурить. Но выходить наружу не было никакого желания, а в туалете бюро... Лучше уж насрать в собственный портфель, чем подойти хотя бы к дверям.

– Ресторан Роял Биф. Их шеф буквально выдрал дверцу духового шкафа голыми руками. По машинам!

Роял Биф можно считать одним из самых дорогих ресторанов Сиэтла. Маленькие порции, заоблачные цены. Мне не очень хотелось ехать туда. Ведь завтракал я пятью сигаретами и остатками бурбона.

За всей напускной роскошью и официантами одетыми дороже, чем вся наша группа, скрываются повара психопаты. Я таких знаю, что в Макдональдсе, что здесь. Престиж работы не играет никакой роли, когда душишь свою жертву ее же трусами.

Вырванной дверцы уже не было. Как и печи. И шефа.

– Вы ничего не трогали? – спросил я администратора.

– Конечно, мы уже все убрали! Это кухня, а не свалка. – администратор размахивал руками.

– Вы должны были дожждаться нас.

– Безопасность клиента. Это то, что мы должны. Здоровая пища. Это то, что мы должны.

Прямо как на групповом сеансе для безвольных жиртрестов.

– Где ваш шеф-повар? – грубо спросил я.

– Может, вы поговорите позже? У нас много клиентов. Сейчас обед.

Я подтянул его за бабочку. – Зови шефа, или сейчас твои клиенты выйдут отсюда с полицией, а твою забегаловку закроют!

– Сейчас.

Администратор просеменил через кухню, перебирая, своими тощими ножками будто нагадил в штаны и скрылся за одной из дверей для персонала.

– Покажите мне рабочее место шеф повара! – рявкнул я.

Духовой шкаф. Пусть радуются, что он не вырвал руку одному из коллег. Стол был не просто изрезан, как это бывает. В нем были ямы, будто его били ножом. Такие же были по всему полу, вокруг места их шефа. Сколотые ручки, погнутые приборы. На блендере вмятины. Видимо он часто влетал в стены. Ножи заточены вручную.

– У вас нет машинки для заточки? – громко спросил я.

– Есть, но Бойл всегда точит камнем. Говорит так острее и нет вредной стальной пыли, которая может попасть в еду.

И как они держат этого сумасшедшего на работе, который кидается посудой и столовыми приборами?

– Вы не боитесь, что однажды нож прилетит в кого-то из вас?

Повара молчали. Уткнулись в свои кастрюли и сковородки, будто бы там было что-то интересное, кроме пассированного лука.

Мне стало немного не по себе, когда я представил лысого бугая, точащего нож о собственный ремень и облизывавшего свои страшные кривые зубы.

– Здравствуйте агенты. Вы ко мне?

Я обернулся. Передо мной стояла невысокая, голубоглазая блондинка в белоснежном фартуке перепачканном, чем-то красным. Я надеялся, что это была томатная паста.

– Мисс Бойл. Специальный агент Маккинли. – заикаясь произнес я. Разрыв шаблона оказался слишком сильным, и я словно расплзся и некому было меня сшить обратно.

И как эта хрупкая девушка, руками могла вырвать эту дверцу? Я был в замешательстве.

– Что произошло?

– Рулетики! Свиные рулетики, один развязался, и начинка вытекла. Это бы испортило внешний вид остальных, а эта долбанная дверь заклинила. – Бойл повысила голос. Она сжимала в руках полотенце и прорвала ткань большими пальцами. – С этой новой печью вечно так было!

– А что простите, случилось с вашей старой печью?

– Я пробила сенсорную панель молотком. Она не реагировала на мокрые пальцы.

– И часто у вас так бывает?

– Я импульсивный человек. – настроение Бойл мгновенно сменилось. Она улыбнулась и отбросила порванное полотенце в сторону.

– Вы в курсе, что проецирование агрессии на приборы и технику ведет к реальному желанию совершить тоже самое с живым человеком?

– Правда? – брови Бойл невинно взлетели вверх. – Это что, я опасна? Вы меня арестуете?

– Нет. Конечно нет, мисс Бойл. – я почувствовал себя неудобно. – Мы направим вас на консультацию к психотерапевту. Он поможет вам разобраться с вашей импульсивностью.

– Правда? Спасибо. Думаю, это пойдет мне на пользу! – мисс Бойл вытерла руки о фартук и обняла меня. Она действительно очень импульсивная. И слегка бестактная, но я не соврал, бы сказав, что мне не нравится с ней обниматься.

От нее пахло специями и шампунем.

– Когда я могу приступить к сеансам?

– Я оставлю вам адрес и телефон. Договоритесь об удобном времени для вас.

– Эй. Джек. Посади агентов за свободный стол. – Бойл отдала приказ напуганному администратору.

– Спасибо, но мы торопимся. – ответил мой напарник.

– Подарок от заведения. И лично от меня. Вы наверняка не пообедали. С вашей то работой.

Нам подали стейки на листьях салата. Мой напарник был уверен, что их не едят. Они для украшения. Мне же было все равно.

Мясо было восхитительным. Может потому что последний раз я перекусывал вчера виски с хлебом и кетчупом. Или потому что моя бывшая жена не готовила ничего кроме макарон с тушенкой, которые и то умудрялась испортить.

Я всегда думал, что повара толстые. Они же постоянно пробуют все что готовят, а готовят постоянно. А Бойл была стройной. И красивой. Я ошибся в ней. Она всего лишь истеричка. У которой, наверняка нет нормального мужика. Или есть?

– Поехали. Ты что уснул? – напарник пихнул меня в локоть.

«На улицу выходить опасно. Поэтому я на семь замков заперся в своей студии. С вами Первый свидетель и это криминальная хроника. Списки, пропавших на окраинах Грин Лейк,

пополняются. Тут и там уже судачат, не завелся ли маньяк, или же люди просто валят отсюда. На этот раз к нам поступило сообщение о пропаже Дональда Смита. Директор супермаркета и примерный семьянин исчез прямо из своей машины со стоянки возле своего магазина. Вряд ли парень решил устроить себе мальчишник.»

– Выключи это дерьмо. – я опустил стекло, несмотря на дождь, и высунул голову.

– Да ладно. Первый свидетель классный! – начала разоряться мой напарник. – Как думаешь? Он из полиции? Или даже из бюро?

– Он никчемный журналиста, пытающийся заработать на своих жутких новостях, которые никто, кроме идиотов, не слушает. И уж тем более никто в них не верит.

– Да ладно! Откуда он тогда знает о всех происшествиях?

– Прослушивает полицейскую частоту. Пол. Хватит слушать всякую дрянь. Лучше включи музыку.

Очередной день подходил к своему завершению. Я планировал напиться. И все шло по плану. Виски, хлеб с кетчупом, сериал про школьников с суперспособностями по сай фай.

Мой телефон разрывался, и я засунул его под подушку. Это не помогло, через пол часа, в мою дверь напористо стучали.

– Ты чего не отвечаешь?! Директор Кордон разнесет тебя! – взъерошенный Пол был у меня под дверью.

– Я спал. Что случилось?

– Парень разбил телефон.

– А до утра это подождать не могло?

– Кордон сказал это важно. Это Флинт. Помнишь. Ты вешал на него убийство консультанта из магазина Эппл? После терапии он не давал о себе знать?

– Поехали. – я натянул плащ поверх домашней майки и спустился.

У Пола в машине всегда так отвратительно? Залитая кофе панель и похоже недавно он менял здесь памперсы своему сыну.

«Привет полуночникам! Не можете уснуть? Мучают кошмары. Сейчас они удвоятся, потому что Первый свидетель и ночной выпуск криминальной хроники!»

– Ты чего выключил? – воскликнул Пол.

– Я хочу побыть в тишине.

– Не психуй! Думаешь, мне нравится посреди ночи бросать жену и ехать к дурацким крашерам смартфонов?!

Мы приехали на место. Дешевый мотель. Администратор, вся бледная, размазывала брови по лицу и плакала.

В коридоре уже толпились копы. Какого черта им надо? Хотя, чему я удивляюсь, наверняка нашли здесь очередного барыгу.

– Эй мужики! Вы куда?

– Специальный агент Маккинли. – я достал удостоверение. – Это агент Ротман.

– Бюро? Это что, доченька одного из ваших начальников?

– Мы, наверное, по разным вопросам. Мы из отдела проецирования непроизвольной агрессии. – грубо ответил я. Меня раздражали эти напыщенные патрульные, которые избивают безоружных, нарушают дорожное движение и считают себя центром вселенной.

– А я думал дело о сломанной микроволновке это чья-то шутка. – глупо захихикал молодой офицер. – Проходите.

Мы прошли в комнату. Флинт действительно разбил телефон. О голову проститутки. Восемь раз.

– Агент Маккинли! У вас новый напарник? – убийца сидел на комодe и болтал ногами. Это был Марк Флинт. Безработный повеса, вечный студент, зарабатывавший на жизнь перекупками и недельными подработками в кафе.

– Здравствуй Марк. – поприветствовал я старого знакомого. – Что ты сделал?

– Я уже все рассказал полиции. Кстати, как доктор Летсман? Вы расскажите ему, что он плохой врач?

– Не стоит обижать старика. Зачем ты разбил этот телефон?

– У нее завис айтюнс. Я всегда говорил, что не стоит тратить на этот распиаренный хлам. А я не хотел трахаться в тишине! Вы бы согласились? Ах да... Вы подо что угодно бы согласились. Ваша бывшая жена нашла кого-нибудь?

Маленький говнюк. Я хотел достать телефон из черепа несчастной девки и загнать ему прямо в лоб.

Пол вытолкнул меня в коридор. Домой я уехал на такси.

## Глава 3

Самый грязный округ в мире. Вечная каша под ногами. Со стороны порта опять несет дерьмом.

«Доброе утро! Если оно хорошее. С вами Первый свидетель...»

Я схватил радиоприемник, бросил на пол и занес ногу.

– Мак! Ты спятил?! – Пол бросился на меня, чуть не сбив с ног, и отвел обратно к столу. – Эй! А если бы кто-нибудь увидел? Директор? Или его прихвостни? Вылетишь отсюда как пробка!

– С радостью! – мне хотелось еще что-нибудь бросить, теперь уже в Пола. Вылететь отсюда. Это было бы подарком. Я гнию здесь. Новая экспериментальная программа. Надежда Америки на безопасное будущее! Меня пнули из особо тяжелых сюда, чтобы освободить место для зятя директора.

– Эй! Кто хочет кофе? – в кабинет вошел Фред. Паренек, тоже вышвырнутый сюда из отдела по борьбе с наркотиками. За что боролся, тем и упоролся. Выгнать не могли. Малая народность. Почти чистокровный коренной американец. Вот и отправили вместо резервации сюда. – А что случилось с радио?

– Я задел локтем. – соврал Пол.

– Эй Мак! Ты не заболел?

– Просто не выспался. – я отвернулся от них.

Я готов был порвать любого, кто войдет сюда и спросит: «А что случилось с радио? А что с твоим лицом Мак?»

Я слышал стук двери. Сейчас начнется.

– Здравствуйтесь агенты! А я с подарками! – я обернулся на игривый женский голос.

Это была Бойл. Без фартука и колпака. В светлом платье и ярких колготках. Неужели в этом городе кто-то не одевается в серые мешки?

– Терапии доктора Летсмана это что-то! Я не нервничаю уже четыре часа! У меня в лифте не закрывалась дверь и вместо того, чтобы разбить кнопки я последовала его совету. Раз это происходит, значит так нужно. Значит, лифт предостерегает меня. Вдруг на том этаже, куда я так спешу, разбушевался один из арестованных. И если я приеду туда раньше, чем хочу, он нападет на меня. И я стала листом на ветру!

Под звон ее голоса угасала моя злоба. Вспотевшие ладони остыли.

– Я принесла конвертики с рубленой говядиной и брусничным соусом. Агент Маккинли! Я рада вас видеть!

Мы забыли про радио. Все уплетали конвертики Бойл и смеялись над ее историями. Гость заказал язык под сырным соусом. И утверждал, что ему подали под майонезом. Спорить с ним не стали и предложили поменять блюдо. И он надел этот язык их администратору на голову.

Я обожаю таких людей. Среди нас тоже такие есть. Просто я не из их числа. Я бывал в компаниях, где за кружечкой пива они могут часами обсуждать допросы, осмотр пациента-люмпена, покупателя, который не знает, что хочет. Они не работают. Они наслаждаются. Хотел бы я так же. Любимая работа. Странное словосочетание. Кто вообще хочет работать?! Я вот хочу сидеть дома, поедать конвертики Бойл и слушать ее рассказы.

– Пойду, покурю. – я встал из-за стола.

– Вы тоже курите! Я с вами. – Бойл вскочила и вперед меня выбежала на улицу.

– Полгода назад собиралась бросать. Купила электронную сигарету.

– Дайте угадаю. Вы ее сломали?

– Окунула во фритюр. – Бойл засмеялась, и я вместе с ней. И ливень утих, и ветер подул в другую сторону, унося от нас портовую вонь. Мы стояли на крыльце и выпускали клубы дыма во влажный воздух. Я думал больше не увижу Бойл. Как и многих других.

Все это мнимое благополучие закончилось слишком быстро. Директор Кордон вызвал меня в свой кабинет.

– Директор Кордон. Вы хотели меня видеть?

– Да, Ирвин. Садиться не предлагаю.

Конечно, он не предлагал. У него в кабинете только один стул. Для него.

Мне всегда казалось, что он меня ненавидит. Хотя он сам говорил, что шотландцы для него лишь на четвертом месте по ненависти, после мексиканцев, гольфа и феминисток.

Из наблюдений за директором мы составили небольшой список, что ненавидит Кордон и что любит. Ради шутки раздавали новичкам. Это были листы формата А4.

«Вещи, которые ненавидит директор А. Кордон:

1. Мексиканцы.
2. Гольф.
3. Феминистки.
4. Шотландцы.
5. Метросексуальность.
6. Ароматизированное пиво.
7. Коммунизм.
8. Реконструкции.
9. Древнегреческая философия.
10. Расизм.»

«Вещи, которые любит директор А. Кордон:

1. Себя и свои волосы.
2. Унижать других.
3. Диско семидесятых.
4. Именные подарки.
5. Стукачи.
6. Спорт (искл. Гольф)
7. Конфедерация.
8. Смуглые брюнетки (искл. Мексиканки)
9. Немецкая философия.
10. Нацизм.»

Он осторожно погладил свои волосы. Он любил их гладить, после того как ему их пересадили с груди.

– Знаешь, почему я тебя вызвал?

– Честно, говоря, я слегка озадачен.

– Людей озадачивают задачи и затрудняют трудности. – задумчиво изрек он, глядя куда-то сквозь меня. – Ты создал нам трудности Ирвин. Ты допрашивал Джона Робертсона?

– Да, сэр.

– Он подал на нас в суд. Требуется четыреста тысяч за моральный ущерб. Почему ты не сказал, что у вас вышел конфликт?

– Я не помню, чтобы был груб с ним?

– Ты упомянул его жену, которая погибла в автокатастрофе несколько лет назад.

– Я не знал. Я просто привел пример.

– Твои примеры дорого обойдутся бюро!

– Я могу принести ему извинения.

– Можешь хоть отсосать ему! Но если завтра мне позвонят из контроля...

– Я понял мистер Кордон.

– Слово – это очень опасное оружие. Самое страшное в нем то, что им владеет каждый человек во всем мире. На него не нужно разрешений. Слышал сегодня новости? Молодому парню за одно грубое слово, парикмахерша сделала лоботомию ножницами! Будьте осторожны со своими словами.

Под дверью меня ждала Бойл.

– Прости, я подслушала. У тебя все в порядке? Твой начальник так громко кричал.

– Все нормально. Он, как и ты немного импульсивен.

– А он наблюдается у психотерапевта?

– Это наш психотерапевт наблюдается у него. – усмехнулся я.

– У меня на работе, обычно, я на всех ору. Но теперь я вижу насколько это мерзко. И еще я, наконец, узнала твое имя.

– А я все еще не знаю твоего.

– Пенни. Разве, ты не проверял мои документы?

– Плохая память на имена.

– Это от неправильного питания. Хочешь, я приготовлю тебе ужин? У тебя дома.

Таких откровенных предложений мне не делала еще ни одна женщина.

Я сразу согласился. После развода у меня не было серьёзных отношений. Вообще не было отношений. А она была полной противоположностью моей бывшей жены. Возможно, мне именно такие женщины и нравятся. Шумные, неуравновешенные, взбалмошные. Они такие и должны быть. Все. Угрюмость и молчаливость удел мужчин.

Пенни обещала подъехать в девять. Мне оставалось дожить до девяти.

И это действительно было серьезным испытанием. Белый мужчина, пенсионер разбил тостер. А потом напал на нас с Полом. Пытался задушить моего напарника. Кричал, что мы чертовы гуки. И он задавит нас как коммунистических котят. Отставной капитан. Получил травму головы под Ханом. Мы прострелили ему ногу.

Мне было жаль его. Я презирал, то чем я занимаюсь. Меня не утешало даже то, что я никогда не ошибаюсь.

Зато вечер удался. Пенни даже ничего не сломала у меня дома. Мы ели, пили вино, разговаривали. С моей бывшей, было все невероятно медленно. С Пенни все происходило стремительно. Мне впервые не нужно было ничего делать. Лезть вон из кожи. Мне так не хватало, чувства, что все решают за тебя. Я так устал за все отвечать.

## Глава 4

«Первый свидетель знает самые опасные места! Доброе утро и это криминальная хроника. Заботитесь о себе? С работы домой? Никаких значных мест и странных знакомств? Смерть может поджидать вас даже в прачечной. Голову женщины обнаружили в одной из стиральных машин. Сеть прачечных «мистер Лэндрю» теперь не только самая престижная, но и самая опасная.»

– Когда ты уже наладишь машину? – Пол сам выключил радио. Он заезжает за мной уже больше месяца.

– Не знаю... – ответил я.

– Ты сегодня в хорошем расположении? После вчерашнего? Ты мазохист?

– Нет.

– Выиграл четыреста тысяч в бинго? Выспался? Выпил с утра?

– Нет.

– Пенни Бойл?

– Кто?

– Не прикидывайся. Я видел, как она выходила от тебя утром. Я думал, ты сам расскажешь. Мы же друзья.

– Не хотел сглазить. – буркнул я, вспоминая, когда мы успели стать друзьями?

– Ты еще и суеверный...

– Мне нравится Пенни.

– Да. Она ух какая... – Пол хлопнул в ладоши. – Если бы я не был женат, то сегодня она уезжала бы не от тебя.

– Да перестань! Она на тебя не посмотрела, даже будь ты последним мужиком в стране.

– Говори, что хочешь. Я про тебя с ней буду молчать как рыба.

– Мне все равно. Хуже уже не будет. Робертсон собирается подать на меня в суд.

– Вот сукин сын!

– Включи обратно.

– Ты же ненавидишь криминальную хронику первого свидетеля?

– Включи.

Меня раздражал голос Первого свидетеля, его интонации и особенно его акцент. Доктор Летсман говорил мне, что это детский комплекс. В школе надо мной смеялись из-за шотландского произношения. Даже наша классная руководительница говорила, что в Америку может приехать каждый, но быть американцем это совсем другое. Она то была настоящая американка. Перед выпуском ее посадили за интимную связь с одним из учеников.

Мы попали в пробку. Я откинулся на спинку и прикрыл глаза.

Лето две тысячи пятнадцатого. В этом городе никогда не было солнечных дней.

Мы едем на очередной вызов. Никакого первого свидетеля. На всю машину играет Роулинг Стоун, а дым стоит, хоть топор вешай. Зато не пахнет подгузниками. Джоуш подпевает и стучит по рулю. Мы несемся по одиннадцатой. Это не семейный хэтчбек Пола. Это настоящая классика. Чейнджер семьдесят первого. Все в бюро называли машину Джоуша – ванной. А он показывал им средний палец и предлагал отрастить вагину, раз уж ездят на малолитражках для домохозяек.

Мы заходим в квартиру. Датсон – неприглядный мужичек на пособии, который разломал свою стиральную машину.

– Специальный агент Маккинли, это мой напарник – агент Лисовски.

Пока я допрашиваю Датсона, Джоуш ест пиццу подозреваемого и утверждает, что тот прав. Что Индезит давно продались и делают неликвиды. Его соседка – миссис Роуш утвер-

ждает, что Датсон отличный человек. Сортирует мусор на пластик, стекло и пищевые отходы, помогает консьержке и кормит бездомных животных. Мы направляем его к доктору Летсману и уезжаем.

Пятнадцатого августа две тысячи пятнадцатого мы снова выезжаем по адресу Датсона. Его соседка миссис Роуш зверски убита, а ее стиральная машина, а точнее то, что от нее осталось, разбросана по всему подъезду. Дверцу нашли через три квартала.

Датсон был дома и утверждал, что ничего не слышал. Джоуш сломал ему нос. Зря. Все улики вели к мужу миссис Роуш. Он был наркоманом и не раз поднимал на нее руку. Но Лисовски продолжал искать улики против Датсона. Он резко переменял свое мнение. А я не слушал его. Я считал, что ее конченный муженек, забил насмерть бедную женщину из-за денег на дозу. А машинку, и многие другие предметы в доме сломал просто так. Ломка, злость, галлюцинации...

Джоуш копал, несмотря на то, что дело было передано другому отделу, а мистер Роуш признал свою вину.

Агент Лисовски исчез. Машина в гараже, квартира замкнута на ключ. Он так был занят этим делом, что не был ни у одной из своих любовниц больше пяти суток. Не появлялся ни в одном баре...

Лисовски вел слишком насыщенную жизнь, для совмещения с работой, и для того, чтобы его никто и нигде не видел.

Поиски не прекращались. Ориентировки были разосланы по всем штатам. Все искали. Кроме меня. Я не знал где искать. Я знал, что прочесывать леса и водоемы, допрашивать знакомых и соседей бесполезно. У Джоуша на тот момент было много дел. И каждый участник этих дел мог быть потенциальным убийцей или похитителем. Но дела уже успели закрыть. А Джоуша объявить пропавшим без вести.

Я просто ждал. Бежал на каждый телефонный звонок, ездил по улицам...

– Мак! – голос Пола разбудил меня.

– Ты что заснул? Заедем, позавтракаем. Кордом с утра на конференции. Так что, можно опоздать.

Сухая булка, пережаренный сыр и котлета из мясных опилок, что продают для собак. И когда я успел стать таким предвзятым? Я завтракаю до полудня впервые за год.

– Да. Это не Роял Биф. Но здесь неплохая картошка. Сегодня покажу Кордону отчет. А ты, когда собираешься сдавать? – спросил Пол, размазывая по зубам бургер.

– Если заявление Робертсона примут, то мне отчет уже не понадобится. – у меня совершенно не было аппетита и я отдал Полу свой бургер.

– Ты на это рассчитываешь?

– Что скажешь об утренних новостях? У тебя есть знакомые, которые могут подтвердить, что голова женщины в прачечной не выдумка?

– Я могу попробовать. – кивнул Пол. – А зачем тебе?

– Слышал о пропаже Джоуша Лисовски?

– Твой бывший напарник? Я слышал, что он сбежал, когда его заподозрили во взяточничестве и злоупотреблении полномочиями.

– Джоуш частенько нарушал предписания, но взятки он не брал. И никогда не врал.

– Не принимай близко к сердцу. Когда твой напарник погиб, появилась хорошая возможность свешать на него всех собак, чтобы закрыть внутренние расследования.

– Он не погиб. Тело так и не нашли. Он исчез, когда начал копаться в одном деле.

– Проецирование агрессии?

– Да. На стиральную машинку. Потом было убийство. А потом Джоуш исчез.

– Голова в стиральной машинке? Ты думаешь это тот же самый человек?

– Он проходил лечение в психиатрической клинике. Думаю, сейчас он на свободе.

– Давай проверим все дела, где фигурировали стиралки. Думаю, их не так много. По крайней мере, я никогда не испытывал желание сломать свою стиральную машинку.

– Это потому что тебе стирает жена.

Мы вернулись в отдел, но изучить дела так и не удалось. Люди словно взбесились. Восемь клавиатур, два проектора и одна машина для подачи бейсбольных мячей. День прошел бы впустую, если бы не одна новость.

– Агент Маккинли, вас вызывает директор Кордон.

Я был готов ко всему. Но не к тому, что он мне сказал.

– Сесть не предлагаю, агент Маккинли. У меня для вас две новости. Хорошая и плохая. Начать с хорошей? – Кордон любовался на отражение своих новых волос с покрашенной седьмой в отражение на пресс-папье. Это странно, ведь метро сексуальность у него на пятом месте в списке ненависти.

– Да, сэр.

– Робертсон не подает на нас в суд.

Я был готов сесть на пол. Это была действительно отличная новость. Правда теперь мне все же придется писать отчет, но зато я сэкономил четыреста тысяч.

– А какая плохая? – с опаской спросил я.

– Он был найден сегодня днем в районе Грин Лейк. Расчлененным.

– Он мертв?

– Не блядь! Голова профессора Доуэля готова дать показания. Конечно, он мертв, идиот! Его зарезали, а потом выпотрошили! Езжайте на место. Вы последние из бюро, кто общался с ним при жизни. Возможно, вы прольете свет на некоторые вопросы, об его убийстве.

– Есть, сэр.

Мне было не по себе. Я был рад тому, что Робертсон мертв и больше не подает на меня в суд. Пусть он и превратился в кучу мяса, как описывал Кордон. В тоже время, я был взволнован. Кому понадобилось убивать этого человека? Явно не производителям звукового оборудования. И когда я стал таким жестоким? Наверное, после введения аккредитации.

Проехать нужное место было просто невозможно. Несколько миль дороги возле пляжа и парка Грин Лейк отцеплены. Полицейские отгоняли журналистов.

– Ваши коллеги уже здесь. Вы увидите их на спуске к озеру.

– Агент Маккинли. – представился я, людям, которые были стояли там, где когда-то стоял я. – Это агент Ротман.

– Агенты Скотт и Уилсон. Отдел особо тяжких.

На их месте должен был быть я. И живой Лисовски. Но теперь там напыщенный зятек директора, и неухоженная мужиковатая женщина.

– Что вы здесь делаете? – грубо спросила агент Скотт. Уилсону не было до нас никакого дела. Он счищал мокрый песок со своих туфель веточкой.

– Мы по приказу директора Кордона. Убитый проходил по нашему делу.

– Теперь не проходит.

– У нас есть разрешение.

Скотт внимательно изучила наше разрешение. Хотела передать его напарнику, но тот отмахнулся, даже не подняв глаза от экрана своего айфона.

– Хорошо. Только предупреждаю, там не разбитый монитор. Постарайтесь не заблевать нам следы. Эксперты еще работают.

Если бы не осень, я бы подумал, что открыли пляжный сезон.

– Проходите сюда. Агенты. Осторожнее. Не споткнитесь о корни. – нас встречал один из экспертов. Они обычно все на одно лицо и этот случай был исключением. Доктор Шейн. Наш неизменный сотрудник, готовый работать в выходные и в праздники.

Он раскрыл черный пакет, и я увидел Робертсона. Его лицо было таким же бледным и спокойным как при жизни.

– При нем были найдены все документы, деньги, кредитки, телефон.

– От чего он скончался?

– Его оглушили электрошоком. Никаких следов борьбы. Сюда его привезли уже в бессознательном состоянии и перерезали горло.

– Как на скотобойне. – сказал я себе под нос.

– Что? – переспросил доктор Шейн, будто не слышал, что я сказал.

– Животных сначала оглушают электричеством, затем перерезают горло. Органы на месте?

– Да. Но ему вспороли живот и отрубили руку. Ты занимался скотоводством, Мак?

– Нет, одна знакомая рассказывала. Руку нашли?

– Пока нет. Орудие убийства тоже. Прочесываем парк. Ждем водолазов. Остальное без вскрытия и лабораторных тестов сказать не сможем. Тебе прислать отчет?

– Да конечно.

– Со следами тоже будет тяжело из-за осадков.

– Кто обнаружил тело?

– Мистер Роман. Он выгуливал собаку. Парень в шоке. Если хотите с ним поговорить, он в машине медиков, возле шоссе.

– Нет. Спасибо.

– Робертсон не знал, что его убивают. Убийца не хотел мучить его. Он поступил гуманно.

– Гуманнее было бы застрелить. – ответил Пол.

Я дернулся от его голоса. Я не думал, что рассуждаю вслух.

– Он отрезал ему руку.

– Может, хотел закопать его по частям, но кто-то спугнул его.

– Он вспорол его. Оставил следы.

– Это не наше дело Мак.

– Я работал пять лет в особо тяжких. Я уверен, что не простое убийство.

– А сейчас ты в отделе ПНА. И нас ждет мистер Монтелл и его пульт от телевизора. Ты смотришь телевизор, Мак?

– Да.

– А мы с женой нет. Он мозги разжижает.

– Нельзя разжигать то, чего нет. – сказал я. – Я возьму такси.

Я вернулся в отдел. Там было пусто, все разъехались по делам. Если Бог придумал работу, то коллективную работу точно создал Сатана. Лишил личного мнения, и позволил бездельникам вешать свои обязанности на других.

Я откупорил одну из двух бутылок виски, взятых по акции один плюс один. Включил радио.

«Привет неспящие. С вами Первый Свидетель. Какова причина вашей бессонницы? Что-то ищите? Или кого-то?..»

Давай искать вместе, Первый свидетель. Я открыл базу данных. Так много все сломалось за три года. Особенно людей. Но меня интересовали стиральные машины. Любых марок, в домах и прачечных.

«Тело просто офисного клерка, было найдено изуродованным в районе Грин Лейк. Ему отрубили руку. Может быть, он был вором? А может и нет. Но своей правой рукой он сделал явно, что-то плохое, раз ее у него отняли...»

– Он написал на меня заявление. – ответил я радио. – Этой самой рукой.

«Простой человек, вдовец, член общества. Стал ли он жертвой очередного маньяка? Или это была чья-то месть? А может все сразу? Вы все еще переживаете, что вы обычный? Пресловутый? Такой же, как все? И за вами придут. Не переживайте. Все вы особенные...»

– Робертсон стал жертвой психопата? Определенно. Он и сам из их числа. Значит, его убил кто-то из ему подобных. Или нет? Кому сделал плохо? Мне... – Я выключил радио и компьютер.

Допивая вторую бутылку, я ждал такси на автобусной остановке. Не хотел, чтобы меня забирали возле бюро. Я стесняюсь таксиста? Боюсь, что он увидит агента в пьяном и растерянном состоянии. Я боюсь потерять свое достоинство? Я боялся, что Робертсон лишит меня его?

– Агент Маккинли!

Я поднял глаза на хриловатый голос. Это доктор Летсман. Он закончил с очередным пациентом.

– Добрый вечер, доктор Летсман. – я старался выглядеть трезвым и бодрым. Моргал и вытягивал спину, будто перед начальством.

– Тебя подвезти?

– Я вызвал такси.

– Садись Ирвин. Нам все равно по пути.

Я выбросил бутылку и залез в его Прадо.

– Ты много выпил, Ирвин. Что-то отмечаешь?

– Скорее поминаю.

– Я снял бейджик. Но если хочешь, мы можем об этом поговорить.

– Участник моего расследования найден мертвым. Без руки.

– Тот, который хотел подать жалобу? Слышал. Ты винишь себя в его смерти?

– Я не знаю. Но мне кажется, я мог что-то сделать для него. Может мне стоило с ним поговорить о жалобе. Может, стоило убедить прийти к вам. Может быть, он рассказал бы мне о своих тайнах. О том, кто мог убить его. Но я ничего не сделал. Так же как не сделал ничего для Лисовски.

– Думай о живых Ирвин.

– Мне мешают мертвые.

– Твой напарник пропал без вести, и в этом нет твоей вины. Твой подозреваемый Робертсон убит и в этом тоже нет твоей вины. Ты ничего не должен им. Человек, всего лишь лист. В потоке ветра. И ветер несет его в ту сторону, где он должен быть. Ты цеплялся за ветки, падал вниз, но продолжаешь лететь. Значит ты на правильном пути.

– Мисс Бойл ты тоже говорил про лист?

– Я не могу обсуждать с тобой своих пациентов.

– Твои пациенты наши подозреваемые. – ответил я. – Мы должны знать в правильном ли направлении несет их ветер.

– Пенелопа Бойл, с первого взгляда, кажется одной из тех легкомысленных женщин, что влюбляется по десять раз на дню, закатывает истерики без повода и бездумно тратит деньги. Но ее импульсивность иногда доходит до крайности. Она очень часто говорит о тебе.

– Она та живая, о которой я должен думать?

– Тебе стоит поговорить об это с ней. И о своих переживаниях тоже. Люди должны разговаривать. О хорошем и о плохом. Они должны жаловаться. Должны делиться горестями и радостями. Почему люди убивают? Зверствуют? Уродуют? Им не с кем поговорить.

– Их ветер несет их не туда.

– Нет веток, за которые, они могли бы зацепиться.

– Спасибо, доктор Летсман.

– Не за что Ирвин. Надеюсь, наша беседа тебя успокоила.

Наша беседа меня не успокоила. Но дала мне понять, что я хочу поговорить с Пенни. Я переоделся. Еще раз выпил и поехал в Роял Биф. На последние деньги я заказал виски и салат. Но салат мне так и не принесли.

Я увидел Пенни. Она стояла возле тучного молодого мужчины. Тоже их работника. В фартуке и колпаке. Между ними росло напряжение. А во мне росла злость. Какого дьявола он повышает на нее голос? Она здесь шеф. Или у них более личная причина для ссоры? Теперь уже ревность пыталась вырваться наружу. Но я не мог просто подойти и сказать этому мешку дерьма с сальными волосами, что бы он ни приближался к Пенни. Мы знакомы трое суток. Может для нее это был секс без обязательств, а я веду себя как подросток, которому улыбнулась девочка из параллельного класса и в нем уже играют гормоны.

– Мне до сих пор не принесли салат. – я все же подошел к их компании и прервал разговор.

– Я изменила твой заказ. Мясо на кости, картофель пай и соус Цезарь. Я ведь все еще могу почувствовать в твоём питании? – Пенни сразу натянула на себя приветливую улыбку.

«Ты можешь участвовать, в чем угодно, связанным со мной.»

– Я тебя не отвлекаю? У тебя все в порядке?

– Да. – Пенни поставила поднос, сняла фартук и распустила волосы. Ее белоснежные локоны упали на плечи.

– Как прошел день? – она повела меня обратно к столу.

Моя жена никогда не спрашивала у меня, как прошел день. Всегда был краткий монолог от ее лица.

– Неплохо. Сломанная техника, зарезанные люди...

– Я думала, ты не занимаешься убийствами людей.

– Пришлось. Убит мужчина, который проходил по моему делу и собирался подать на меня иск за моральный ущерб. Я тебе про него рассказывал. Его выпотрошили и отняли руку. – я последовал совету доктора Летсмана и решил поделиться своими переживаниями с Пенни.

– Это же замечательно.

– Замечательно? Человека убили! – я поразился хладнокровию Пенни.

– Зато, теперь он не сможет подать на тебя иск.

– Ты считаешь это хорошо?

– Это не хорошо и не плохо. Это один из вариантов. Ты слишком много думаешь. Доедай и поехали.

– Я не могу быстрее. Слишком вкусно, чтобы торопиться.

– Чего это вкус? – спросила Пенни. Она не ела, то, что готовит. Она пила вино и наблюдала, как ем я.

– Мяса.

– Нет. Мясо, специи, зелень. Это понятно. Чего ты сейчас ощущаешь вкус?

– Решения проблемы. – я удивился собственному ответу. Была ли это напускная циничность перед Бойл, или я на самом деле находил жестокое убийство решением своей проблемы. – Куда мы поедем?

– В клуб. В бар. Может в кино. Тебе нужно расслабиться. Ты слишком много на себя взял.

– Да. Я сто лет не расслаблялся. Не было повода. А зачем нам ехать куда-то? У тебя в ресторане есть бар.

– А если бы мы отправились пить в бюро, тебе бы понравилось?

– Я не раз там напивался. Но ты права. Я заработался.

– Тебя что-то тревожит?

Чего меня только не тревожит. Начиная с Лисовски и стиральный машин, кончая тем толстяком, что ссорился с Пенни.

- Я услышал об одном деле. И связал его с исчезновением своего напарника, три года назад. Извини, что высказываю тебе все эту чушь.
- Это не чушь. Ты чувствуешь вину за его исчезновение?
- Ты не доктор Летсман.
- Я лучше. Лучшие психотерапевты – это бармены и повара.
- Слышал только про барменов.
- Ты – то, что ты ешь. Я готовила тебе и значит я частично ты. И знаю, что у тебя внутри.
- Кто-то хотел узнать, что внутри Робертсона. И меня это беспокоит.
- Ничего интересного нет в него внутри.

## Глава 5

Я приехал на работу в том же костюме и белье. В затылке вибрировали отголоски музыки, а ноги болели. Последний раз я был в баре на третьем курсе академии. Я тогда всю ночь просидел у стойки и проснулся с жутким похмельем. Мне кажется, что похмелье не зависит от количества выпитого. Оно зависит от количества прожитого. В юности мы можем тусоваться несколько дней подряд, не потому что, наш организм молод и здоров. Он еще не обременён.

– Агент Маккинли. – директор никогда не выходил к нам из кабинета. Он считал нас недостойными его появления, он говорил через громкоговоритель или вызывал по телефону. – Зайдите ко мне.

– Вы хотели меня видеть директор.

– Вы вчера отказались от выезда по адресу Пьера Монтелла.

– Простите сэр.

– Мистер Монтелл напал на агента Ротмана. Если бы вы были там, агент Ротман сейчас бы не был в больнице.

– Что с Полом? – испугано спросил я. Я и в правду испугался. Да Пол не был мне другом и раздражал своим занудством, но все же мы работали вместе, плечом к плечу.

– Сломан нос и пару ребер.

– Я виноват.

– Вы виноваты. Агент Ротман с тяжелыми травмами в госпитале. Вашего напарника Лисовски до сих пор не нашли. Вы не умеете работать в команде. Я с удовольствием бы отстранил вас, агент Маккинли.

– Я понимаю сэр. – я сжал кулаки. Он напомнил мне про Джоуша.

– Не перебивайте меня. В деле Робертсона есть новые подробности. Вы раньше работали в особо тяжких. Просмотрите отчеты экспертов. Сходите на вскрытие. Может, узнаете что-то. Потом зайдите ко мне.

Я вышел из кабинета. Лучше бы он меня отстранил. Я бы тогда чувствовал себя не так паршиво. Как будто обосрали, а потом извинились и подали влажную салфеточку.

«Не откладывайте свои дела на завтра, ведь сегодня вы можете быть убитым...» – сказал первый свидетель, через динамики радио и я отправился в лабораторию.

После того как там запретили курение, вонять стало еще хуже. Кроме Робертсона на столах лежало еще девять тел. Точнее их останки.

– Агент Маккинли. Прошу вас.

Доктор Шейн бегал между телами, жевал какую-то булку и запивал кофе. Как он может еще и есть здесь?

– Недалеко от места убийства Робертсона, водолазы обнаружили еще несколько тел. – бегло рассказывал он с набитым ртом. – Все убиты одинаково. Электрошок и ножом по горлу. Никаких признаков борьбы. При некоторых обнаружены документы. Среди них есть недавно пропавший мистер Дональд Смит. Директор сети продуктовых супермаркетов. Вот список всех жертв. – Шейн протянул мне своими жирными, от пирожка пальцами лист бумаги.

– Орудие убийства не найдено, но скорее всего убийца носит его с собой. Все убиты ножом одного типа и разделаны.

– Разделаны? – мне показалось, что ослышался.

– Да. Он разделял их. Грудина, бедро, филе, потроха. Я думал, что ошибся, но потом вспомнил твою фразу, про скотобойню. Нашел схемы разделки тушь и вот!

– Он мясник?

– Как пить дать. Так что ваш Робертсон был всего лишь мясом для него. Ничего личного. А органы он не забрал, не потому, что не успел, как вы предполагали. У Робертсона была почечная недостаточность, хроническая обструкция легких, миокардит.

– Его потроха были непригодными. Откуда он это знает? Он врач?

– Нет. Раны не хирургические. Они именно мясницкие.

– Спасибо, док.

– Всегда пожалуйста, Мак. – махнул рукой Шейн.

Я забыл про унижения Кордона. Я несея к нему на всех парах.

– Директор Кордон. Почему вы не сказали, что обнаружены еще тела?

– А ты что? Думал Робертсон погиб из-за тебя?

– Нет. Мне нужен допуск на сотрудничество с особо тяжкими. Мы имеем дело с людоедом.

– Что? Как в «Молчании ягнят»?

– Нет. С настоящим, а не с выдуманным. Тела были разделаны, как туши. Говядина, свинина, баранина.

– Это очень серьёзно, Ирвин. Но думаю, там разберутся без тебя. Мир не остановился на одном человеке.

– Он убивает людей. И убьет еще.

– И не он один. Ты не занимаешься больше убийствами. Ты занимаешься их профилактикой.

– Да сэр.

Он издевается надо мной. Обманул как собаку. Будто кинул мячик, а на самом деле оставил его в своей руке.

Я навестил Пола. Ему делают капельницы и перевязки. На Лисовски как-то тоже напал подозреваемый. Ударил ножом в ногу. Лисовски тогда сбежал в больницы, и на костылях отправился в бар. Пол же хотел насладиться больничным в полном его объеме. Даже взял у врача список лекарств и дозировки. Будет теперь доводить медсестер.

Чувство беспокойства нарастало. Мне казалось, все эти дела как-то связаны. Друг с другом и со мной. Полная картина лежала на ладони, но я почему, то не мог разглядеть ее.

Я включил компьютер, телевизор и радио. Детектив Коломбо из перезагрузки сериала на сай фай, Первый Свидетель и коньяк по скидке. Все они мои напарники. Я учусь работать в команде.

Оказывается, в прачечной «мистер Лэндрю» часто ломаются машинки. Именно машинки. Не утюги, отпариватели или другие приборы. Просто они это не афишируют. Трудно найти работников прачечной. Сейчас все хотят получить высшее образование. Вся молодежь. Они еще не знают, что тоже будут обслуживающим персоналом. Просто повысится ранг того, кого они будут обслуживать.

Завтра я поеду во все филиалы мистера Лэндрю. Мне нужны будут деньги на такси. Поэтому от еще одной бутылки я воздержусь.

В три меня разбудил звонок.

– Ирвин Маккинли?

– Да. Кто говорит? – я пытался не заснуть, прижимая телефону к уху плечом.

– Я Бен. Я работаю с мисс Бойл.

– Почему вы шепчите?

– У меня есть для вас важная информация. Встретимся через двадцать минут. У центрального входа Вудленд Парка.

– Я опоздаю...

Бен уже повесил трубку. Парк в районе серии убийств, Пенни, позднее время. Меня почему-то, не смущало ничего. Я накинул пальто на домашнюю одежду и вызывал такси.

В спешке я оставил зонт и теперь мок у входа в парк. В туфлях хлюпала вода, мокрые штаны прилипли к ногам. Бена не было. Мимо пронеслись машины, ослепляя меня светом фар, но ни одна не притормаживала. Я простоял под дождем до половины пятого и вернулся домой. Заснуть так и не удалось. Что за Бен? Что он хотел рассказать мне о Пенни? Может это чей-то дурацкий розыгрыш?

Ненавижу автобусы. Вот закончу с прачечными и обязательно налажу машину.

Прачечные мистер Лэндрю созданы для людей. Не то, что наше бюро.

На ресепшене со мной поздоровались. Взяли пальто, предложили кофе. Люди, которые обращаются к вам на «вы», всегда вызывают подозрение.

– Доброе утро. Агент Маккинли. Федеральное бюро.

– Здравствуйте агент. Вы по поводу того кошмарного случая? – администратор сиял улыбкой так, будто под кошмарным случаем, имел ввиду чей-то усевший после чистки костюм, а не обезглавленный труп.

– Да. Вы можете дать мне список работников вашей прачечной в Мэйпл Лиф?

– Мы уже давали их данные вашим сотрудникам.

– Я из другого отдела.

– Я думал, у вас там все отделы связаны. Как у нас.

– Нет. Ни как у вас. Человек по фамилии Датсон работал у вас?

– Я посмотрю в базе и пришлю вам списки сегодня после обеда. Вас устроит, агент Маккинли?

– Да. Спасибо.

– Не хотите воспользоваться нашими услугами? Вы и ваш костюм, останетесь довольны. Я осмотрел свой костюм, не присохла ли где еда или пепел.

– Нет. Спасибо за предложение.

До обеда уйма времени. Кордон на конференции. Остальные разъехались по вызовам. Я открыл отчет. Включил радио.

«Мясник из Грин Лейк! Это не название нового голливудского триллера. Это то, что происходит. С вами Первый свидетель и криминальные новости. Недавно в Грин Лейк обнаружили десять расчлененных тел. До вчерашнего дня все они считались пропавшими без вести. Сегодня было обнаружено одиннадцатое. Повар из ресторана Роял Биф, видеоблоггер, активист движения бодипозитив – Бенедикт Фрокайтс, найден сегодня утром в парке Вудленд. Выпотрошенным. Полиция пока не подтверждает версии стал ли он жертвой того же маньяка, или же здесь поработали охотники за нелегальными органами. Хотя какие органы можно взять с бодипозитивщика? Будьте осторожны, Сиэтл полон опасностей. С вами был Первый свидетель. Увидимся в шесть часов. Если сможем.»

Бенедикт. Бен. Я немедленно набрал его имя в интернете. Тот самый повар, что спорил с Бойл на повышенных тонах. Низкорослый толстячок, возомнивший себя Джимми Оливером, переводил продукты на камеру. Оливковое масло, настоящее на орегано. Уж лучше я поем хлеб с кетчупом. Что же он хотел мне сказать о Пенни? Теперь я смогу узнать только лишь от самой Пенни.

Мое беспокойство усиливалось. Неприятно крутило в области солнечного сплетения.

Роял Биф не переставал работать. Зал как всегда был полон. Я не и знал до этого, что у нас так много богатых.

Небрежно ткнув удостоверением в лицо администратора, я прошел на кухню.

– Привет Пенни. Ты уже слышала о Фрокайтсе?

– Ужасно. – отвернувшись сказала Пенни и так сильно ударила молоточком, что размозжила мясо и вошла в толстую деревянную доску.

– Он звонил мне перед смертью... – осторожно сказал и на всякий случай отошел. – Хотел сказать что-то про тебя. Не знаешь, что именно?

– Бен работал тут много лет. Он рассчитывал на должность шеф-повара. А получила ее я.

– Он из зависти хотел сказать мне про тебя что-то плохое? Вы вчера поссорились? – я говорил осторожно, чтобы это не показалось допросом. Что бы Пенни не думала обо мне плохо.

– Полгода назад у меня был роман с нашим администратором. Ничего серьезного. Но он до сих пор пытается ухаживать за мной. Наверное, это и хотел рассказать тебе Бен. Повезло в карьере, не повезет в любви.

– Ты любишь меня? – растерянно спросил я, забыв про Бена и расчлененные трупы.

– Доктор Летсман говорит, что я легкомысленная. – Пенни отложила молоток и присела.

– Ты ответишь мне на вопрос?

– Не сейчас. После всего, что случилось...

– Думай о живых. – я стянул с нее кровавые перчатки и взял ее руки в свои. – Я виню себя в смерти Робертсона, но ты не должна винить себя в смерти Бена.

– Мы оба не должны. И для этого нам нужно найти настоящего виновного.

– Тебе не стоит в это вмешиваться. Это опасно. Что ты готовишь?

– Почки в сметанном соусе. Будешь? Иди садись.

Я ел. И кроме сметаны и горчицы я чувствовал вкус возможности. Возможности найти правду. Возможности освободиться от вины и начать жить заново. Возможности, того, что Пенни любит меня.

– У меня есть одно предположение. Насчет убийств.

– Выкладывай. – Пенни не ела. Она пила вино пыталась разогнуть пальцами салфетницу.

– Я думаю наш убийца канныбал.

– Как у Томаса Харриса?

– Вроде того.

– Чувак воспринял фразу «ты – то, что ты ешь» слишком буквально.

Мне начинало нравиться, как реагирует на все это Пенни. Без сострадания, но и без всплесков руками и стенаний, как же страшно жить. Люди умирают земля вертится. Даже я не научился за годы работы так реагировать.

– Мне кажется, ответ лежит на поверхности. А я его не замечаю. Так же как не заметил убийцу Джоуша.

– Или не хочешь видеть.

– Что значит «не хочу»?

– Отказываешься видеть. Отрицание

## Глава 6

– Мистер Фрокайтс. Смерть наступила между четырьмя и пятью часами утра. На шее следы электрошока. Перерезано горло. Передняя брюшная стенка вскрыта, извлечены почки...

– агент Скотт монотонно зачитывала результаты экспертизы.

– Орудие убийства такое же, как и других случаях?

– Судя по ранам – да. Артерии на горле повреждены одним ножом. Остальные раны нанесены другим. Как и у остальных. Мясницкие ножи.

– Когда произошло первое убийство?

– Самое старое тело долго пробыло в воде. Больше двух лет. Мы предполагаем, что это первая жертва. – вступил в разговор доктор Шейн.

– Значит, он убивает уже почти три года?

– Возможно и больше. Кто знает, сколько еще тел мы не нашли. Видели что-нибудь подобное раньше?

– Нет. Но могу сказать, что будет тяжело. У него нет особых предпочтений. Мужчины, женщины, белые, черные. Он убивает их, чтобы забрать органы.

– Вы сказали директору Кордону, что это людоед. – Скотт прищурилась.

– Да. У меня есть такой вариант.

– Тогда почему он оставляет другие органы и части тела? Почему бы не забрать все?

– Я, честно говоря, не знаю.

– Вы когда-нибудь сталкивались с подобными преступниками? Думаю, нет. Как и я.

– Что думает ваш напарник, Уилсон?

– Он вообще не думает. Поэтому я позвала вас, Маккинли.

– Агент Уилсон не годится даже в патрульные, и вы боитесь об этом говорить?

Скотт нахмурилась. – Я позвала вас не для обсуждения агента Уилсона, а для обсуждения мотивов убийцы.

– Простите. Вы проверяли камеры с мест похищения? Свидетели. Есть хоть что-нибудь?

– В том то и дело, что ничего. Преступник действует продуманно. Он не сумасшедший. Он осторожен. Он действует спланировано. Он социопат. Убивает осознанно. Скорей всего и тела оставляет тоже осознанно. Чтобы о нем знали, чтобы его искали.

– Это не утешительно.

– Вы можете проверить свои базы. Не проходил ли по вашим делам кто-то похожий...

– И что же он должен ломать? Печи? – я усмехнулся и меня охватила легкая дрожь.

– Работников скотобоен... Были у вас такие?

– Я не припоминаю, но обязательно проверю.

– Спасибо вам, агент Маккинли.

Я не проверил базы. Я игнорировал свою тревогу. Я все еще рылся в стиральных машинках, с таким остервенением, будто от этого зависела моя жизнь. Мне прислали список персонала прачечной мистера Лэндрю. Мои предположения подтвердились. Датсон работал у них уже шесть месяцев. Я записал его адрес и уже собирался выезжать, как вдруг... как снег на голову... Как голубь нагадивший на плечо...

– Агент Маккинли, вас вызывает директор Кордон.

– Директор Кордон, вызывали?

– Да, Маккинли. Не помню, чтобы у нас рабочий день начинался с обеда.

– Простите директор. У меня были важные...

– Вы вовремя не явились на работу, пропустили четыре вызова и должны три отчета. Вы неуправляемы, агент Маккинли.

– Это касалось дела Робертсона...

– Дело Робертсона больше не принадлежит нам. Как и другие. Вы отстранены. На две недели. За невыполнение должностных обязанностей и систематические опоздания. Сдайте значок и оружие.

– Да, сэр.

Я заехал к Полу. Он через зеркальце наблюдал, как сестра делает перевязку.

– Привет. Как самочувствие?

Я и без ответа видел, что хорошо. Порозовел. Наел щеки.

– Иду на поправку. Ты как? Сестра Беккет, рвите пластырь длиннее, пожалуйста.

– Вышел на Датсона, обнаружил, что у нас орудует маньяк каннибал, меня отстранили.

– Что? Как отстранили? За что? – забыл о боли, что он так изображал перед медсестрой, Ротман подпрыгнул на кушетке.

– За правильно расставленные приоритеты.

– Мак... У нас и так нехватка людей. Я бы и сам сейчас вышел на работу, если бы не травмы. Иди к Кордону и умоляй его.

– Я не собираюсь целовать ноги этому куску напыщенного дерьма! Я не смог выехать на вызовы, потому что меня попросила помочь агент Скотт. Два убийства за два дня!

– Мы не работаем с мокрухой!

– Я вышел на Датсона.

– Убийства не в твоей юрисдикции. Ты должен подчиняться приказам, если не хочешь вылететь на улицу.

– Какой вкус у больничной еды? – спросил я.

– Что?! – Пол сморщился и пластырь отлип от его лица.

– Бесполезности. – ответил я и вышел из палаты.

## Глава 7

В бюро появляться не стоило. Парни, конечно, пропустят меня по старой памяти, не спросив пропуск, но, если я попадусь Кордону или нашим стукачам, точно не отделаюсь двумя неделями отстранения. Но мне туда было крайне необходимо. Стикер с адресом Датсона я благополучно забыл на столе. А ничего не знающая, о моем отстранении Скотт, ждала меня на еще одно вскрытие. Я проскользнул мимо офиса как мышь. До чего я дожил. Прячусь от собственных коллег за тележками уборщиков.

– Придержите дверь!

Я вскочил в лифт и стал отчаянно бить по кнопке. В закрывающихся дверях показалась аккуратная ножка в бежевой туфле. Это была Бойл. Она с легкостью раздвинула локтями двери и проскользнула в лифт. Как такой хрупкой женщине удается ломать двери и печи?

– Привет! Я от доктора Летсмана.

– Рад тебя видеть Пенни. Встретимся вечером, у меня сейчас вскрытие.

– А можно мне с тобой? – Пенни воодушевленно вжала меня в стенку лифта.

– Конечно нет! Это морг! Тебе вообще нельзя здесь ходить, дальше кабинета Летсмана. – еле выдавил я.

– Тебе тоже. Тебя ведь отстранили! – с укором произнесла она.

– Ты уже знаешь. – вздохнул я. Мне не хотелось вмешивать Пенни в свое дерьмо.

– Твои коллеги сказали. Мог бы и сам мне сказать. – Пенни обиженно отвернулась.

– Я не хочу вешать на тебя свои проблемы.

– Я подожду тебя снаружи. Заодно постою на стреме.

– Пенни... – я не смог сказать ничего против. В конце концов, она права.

Агента Скотт не было. Патологоанатома тоже. Их одноразовые халаты небрежно болтались на спинке стула. Скотт оставила свой телефон. Видимо пришлось срочно выйти. Я постоял у двери. Обошел несколько раз труп. Облокотился на холодильник.

– Пенни! Выйди немедленно.

– Мне стало скучно! – Бойл просунула в двери сначала голову, а затем вошла полностью.

– Тебя могут арестовать.

– У них срочное собрание на восьмом этаже. Я слышала по громкоговорителю. Так что, здесь никого нет.

– А если агент Скотт вернется? Или доктор Шейн?

– Скажешь, что я помогаю. Ты ведь сам говорил, что убийца мясник. А в мясе я разбираюсь. Расслабься. На вот послушай. – Пенни протянула мне наушник. – Доктор Летсман посоветовал мне, когда хочется что-нибудь сломать, слушать лав коллекшен шестидесятых. Рой Орбисон, Эверли бразерс, Билли Джоэл.

Я перегнулся через тело и предоставил свое ухо.

«Любовь – это боль. Любовь – это шрамы.»

Действительно успокаивает. Я смотрел на Пенни, Пенни смотрела на вскрытый труп.

– Легкие нездорового цвета. Поэтому их оставили.

– Заядлая курильщица. Они, наверное, отдают дымком. – я счел, что моя черная шутка будет уместна и понравится Пенни.

«Я слишком молод, я знаю, но, тем не менее...»

Я закрыл глаза, чтобы не видеть, что я в морге. Чтобы не было отстранения, Директора Кордона и его шестерок, не было Датсона, Пола. Чтобы остались только музыка и размеренный голос Пенни.

– Пора. – Пенни дернула меня за руку, и мы побежали прочь.

Она отправилась на работу, а я домой. Почему я собственно расстраиваюсь. Я ведь всегда хотел получать деньги, за то, что сижу дома, смотрю сериалы и бухаю.

«Что есть жестокость?» – спросил меня через динамик радио Первый свидетель.

– Это неспособность смириться с тем, что происходит... – ответил я ему.

Зазвонил телефон и мне пришлось убавить приемник.

– Агент Маккинли. Это агент Скотт. Я ждала вас сегодня.

– Простите агент Скотт, меня отстранили. Я не мог прийти.

– Очень жаль. Надеюсь, у вас все образуется. Сегодня произошли странные вещи. Из морга пропали органы.

– Как такое возможно?

– Мы с доктором Шейном проводили вскрытие и нас срочно вызвали на собрание. А когда мы вернулись, у жертвы пропали легкие.

– У нас в бюро были посторонние? Записи с камер смотрели?

– Камеры не работали. Произошел сбой электричества из-за замыкания в пятом лифте.

– Простите агент Скотт, у меня вторая линия. – я переключил звонок.

– Ты заедешь сегодня? У меня для тебя сюрприз.

– Твои сюрпризы аукнуться мне на сдаче физ. подготовки.

– Это немного другой сюрприз. Я закончу в шесть.

Что еще делать временно безработному? Конечно же, шататься по ресторанам.

Скотт я не перезвонил. Переоделся. Можно ли костюмы стирать в машинке? Сдать в химчистку? Ну, нет. Пусть лучше мой пиджак превратится в половую тряпку, чем его почистят рядом с чьей-нибудь головой.

Я заказал кофе, но официант настаивал на чем-нибудь еще.

– Зря отказываетесь. – указала мне дама за соседним столиком. На ней был леопардовый, ужасный пиджак, но зато от Гуччи. – Рагу с копченостями просто отменное. Будто на настоящем костре готовили!

– Я учту. Спасибо.

Мне не хотелось не с кем разговаривать. Меня беспокоило происшествие в морге. Как в такое охраняемое здание, мог пробраться преступник? Хотя, я же смог. Промежуток от того как мы с Пенни покинули морг, и тем как туда вернулась Скотт с доктором Шейном был меньше десяти минут. Или больше. В тот момент, когда я стоял там, напротив Бойл, рискуя быть пойманным, я не чувствовал времени. Оно, то текло как густое масло, то летело, то совсем останавливалось. От обилия вопросов, у меня раскалывалась голова. Почему на них нет ответов? Почему моя решительность и уверенность снова ускользает от меня, как тогда, с Джоушем. Мне вспомнились слова Пола, а том, что Джоуша обвинили во внутренних преступлениях.

– Еще раз здравствуй! – Пенни подседа ко мне. – Ты поел?

– Дома перекусил. А ты будешь что-нибудь? Все нахваливают твою рагу.

– Если я буду, есть все, что готовлю, то скоро не пройду в двери ресторана. – улыбнулась

Пенни.

– Тогда что-за сюрприз?

– Ты кое-что забыл в офисе. – Пенни протянула мне зажатую между пальцев бумажку с адресом. Я потянулся к ней, но она отдернула руку.

– При одном условии. Мы пойдем вместе.

– Нет. Это опасно. Этот парень псих.

– Я тоже.

– Пенни... – зачем она так говорит. Я не достоин ее беспокойства.

– Ты отстранен. И собираешься вломиться в чужой дом. Либо нарушаешь правила. Либо едешь домой.

И мы поехали. Я не мог ей отказать. Она так помогла мне.

\*\*\*

Квартира недалеко от центра в пяти минутах пешком от работы с графиком два через два. И кто из нас еще ненормальный?

Мы поднялись на четвертый этаж и позвонили в дверь. Еще и еще. Никто не открывал.

– Похоже, его нет дома.

– Или он видел нас в окно. Он ведь знает тебя.

Был только один способ это проверить. Замок быстро поддался, и мы оказались в прихожей.

В квартире было жарко. Или это меня бросало в жар. Кучи коробок от пицц и запах прокисшего мусора. Датсон не слишком заботиться о чистоте.

Обычное жилье ленивого холостяка. Прямо как у меня.

– Ирвин. Иди сюда.

Я последовал на голос Пенни и оказался в ванной комнате. Среди кучи грязного белья лежала рубашка, перепачканная кровью.

– Кажется это кровь.

– Я вижу, что не кетчуп. – ответила мне Пенни.

– У тебя бывало так, что нашла, что искала, но теперь не знаешь, что с этим делать.

– Нет.

– Я нашел эти улики незаконно. Их никто не примет.

– Только если их нашел ты. Если, допустим, их, найду я или другой обычный человек, не относящийся к бюро или другим органам.

Пока Пенни рассуждала, я присел на ванну.

– Нашел в чужой запертой квартире.

– Можем вынести его одежду на мусорку. Так сознательные граждане заподозрят неладное и вызовут полицию.

– Сфальсифицировать улики?

– Хуже уже не сделаешь.

– Ты прямо как мой напарник.

– Только живая. Складывай рубашку в пакет, а я вызову полицию.

Я осторожно подхватил рубаху пакетом и свернул в комок. Я не чувствовал себя так с тех самых пор как работал с Лисовски. Он, почему-то считал, что значок и казенная форма дает ему вседозволенность. Все так считали. Но в их умах это ограничивалось вымогательством денег и домогательствами к свидетельницам.

Я услышал, как хлопнула дверь в коридоре, а за хлопком последовала молчаливая возня.

– Пенни? – тихо позвал я, потянувшись за пистолетом на поясе.

Я выглянул в коридор.

– Агент Маккинли. – Датсон держал Пенни за волосы. В другой руке у него был нож.

Он не изменился. Даже не постарел, в отличии от меня. Конечно. У него ведь работа без нервов.

– Мистер Датсон. Отпустите девушку. – меня охватил страх. Я так долго искал с ним встречи, а теперь, когда нашел, все бы отдал, чтобы этого момента не было. Что бы жизнь Бойл не была в руках этого подонка.

– Зачем? – ехидно ухмыльнулся Датсон.

– Вы же не хотите, чтобы вас обвинили во взятии заложников.

– Все мы заложники. – хмыкнул Датсон. – Знаешь. Она не та, кем кажется. Люди моются.

Стирают одежду. Убираются в доме. Но им никогда не избавиться от той грязи что внутри.

– Та женщина? Которой ты отрубил голову. Она тоже была нечиста?

– Она никогда не доплачивала за отпаривание. Хотя у нее имелись средства.

– Поэтому ты убил ее?  
– Я никого не убиваю. Я лишь навожу чистоту.  
– Что ты сделал с Джоушем Лисовски?  
– С этим грязным копом? Его нельзя было постирать.  
– А тебя можно постирать? Как обоссанные трусы? – спросила у него Пенни.  
– Заткнись. Лживая сука! – Датсон поднял нож и коснулся щеки Пенни. Темная кровь потекла по ее лицу, шее и скрылась за воротником.

– Хватит! – я закричал так, что чуть не оглох от собственного голоса.  
– Твой напарник кричал тоже самое. А с виду был таким крутым.  
– Заткнись!

Все произошло слишком быстро. Пенни дернулась в сторону, и я успел выхватить пистолет.

Теперь и Датсон был испачкан. Собственной кровью. Он зажимал рану на животе, прижавшись к полочке для обуви. Я выронил пистолет, и он с грохотом упал на пол.

– Ирвин. Ты ведь не такой. Ты честный. Вызови скорую. – Датсон пытался сохранять лицо, но его корчило в агонии, он заикался, захлебывался.

– Что ты сделал с Джоушем?!  
– Я не трогал твоего напарника.  
– Не ври...

Датсон открыл рот, чтобы вновь оправдаться, но его резко передернуло. Судорога заставила руки на ране разжаться, и он растянулся на полу. Я опустился рядом. Я убил человека.

– Я убил человека. – обратился я к Пенни.

– Ты никогда не стрелял в людей раньше? – Пенни тяжело дышала, вытирая со щеки кровь рукавом.

– Это было так давно. Я надеялся, что мне больше не придется...  
– Откуда у тебя пистолет? Ты ведь сдал свой...  
– У меня есть еще.  
– И ты взял его, идя сюда.  
– Я...

Датсон шумно вдохнул. Треск и он снова опустил голову на плечо. Это была Пенни.

– Зачем? – вскрикнул я. – Зачем ты это сделала?

– Я испугалась. Прости... – Пенни отскочила от тела.

– Откуда у тебя электрошок?

– Купила в магазине. В нашем районе орудует маньяк! Как еще защититься беспомощной женщине?

– Пенни? – я протянул руку, чтобы забрать шокер.

– Я ведь не прошу твой пистолет. – вкрадчиво прошептала Пенни.

– Пенни...

– Он убил твоего напарника...

– Он сказал, что нет...

– И ты ему веришь?

– Мы должны вызвать полицию...

– Нас посадят. Он был бы рад.

– Господи... Пенни, прости что втянул тебя в это... – я сел на пол рядом с Датсоном.

Меня колотило. Я не мог контролировать свое тело.

– Ты сожалеешь. Значит, ты ни в чем не виноват. Уходим.

– А как же улики?

– Его игра окончена. Крупье мертв. Просто пойдём.

Я стрелял в человека всего один раз. Еще в особо тяжких. Он убежал, а я даже не целился. Он тогда убежал и убил еще. Я винил себя. За малодушие. За страх. За еще одну смерть невинного человека. Наверное, до сих пор виню. В тот год исчез Лисовски. В тот год от меня ушла жена. И во всех этих событиях я винил себя. Пора снять с себя вину.

Я спускался по лестнице, словно в хлам пьяный. Пенни держала меня под руку. Перед глазами все еще разорванное выстрелом брюхо Датсона. Пенни убрала мой пистолет в кобуру. Поправила пиджак. Мы ждали такси у соседнего дома. Она сказала водителю, что я перепил, и просто запихнула на заднее сидение.

– А это, если его стошнит на коврики. – Пенни протянула ему еще купюру и двинулась по тротуару. Мы проехали мимо нее.

Первый свидетель рассказывал об очередном леденящем душу происшествии, а я заливал в себя остатки открытого вина, недельной давности, лежа. Давился им, но голову с дивана принципиально не поднимал.

Я позвонил Пенни. Она не взяла трубку. Она, конечно, наблюдается у доктора Летсмана, но она явно не сумасшедшая, чтобы общаться со мной после того, как подверг ее жизнь опасности. Втянул ее в убийство. Заставил увидеть смерть.

Я услышал стук в дверь только с третьего раза. Это была Бойл.

– Прости Ирвин. Я не могла ответить, была на работе. А потом аккумулятор сел...

– Зачем ты пришла?

– Уйти?

– Я думал, ты не захочешь, больше, видеть меня... – я бормотал все эти слова себе под нос. Как с моей первой женой. Я чувствовал себя виноватым, глядя на уставший взгляд Пенни и кусочек лейкопластыря на припухшей щеке.

– Из-за Датсона? Думаю, теперь, я хочу видеть тебя еще больше. Ты спас меня. Я принесла тебе ужин.

– Меня тошнит.

– Это с голоду. – отмахнулась Пенни и оттолкнув меня прошла в прихожую.

Пока Пенни накрывала стол, я выпил горсть всякого аспирина и таблеток от желудка.

– Почему накрыла на одного?

– Уже поздно. Я просто выпью.

– От одного раза, ничего с твоей талией не случится.

– Мне правда не хочется.

– Без тебя, я есть, не буду.

– Ладно. – она громко поставила на стол вторую тарелку. Я тоже психовал. Я ведь как-никак несколько часов назад стрелял в человека.

– Чего вкус?

– Я обижу тебя, если скажу, что неизвестности?

– Не обидишь. Неизвестность – время для раздумий. И для принятия решений.

– Ты в это веришь? – я отправил последний кусочек со своей тарелки в рот.

– Ты, я заметила, отказываешься верить в очевидное.

– В то, что Датсон убил моего напарника?

– В то, что ты решил проблему. И неважно, было ли это правильно. Знаешь, в кулинарных книгах есть миллион рецептов. Но если ты экспериментируешь, это не значит, что ты делаешь не верно.

– Когда готовишь – создаешь, а не уничтожаешь...

– А кто сказал, что ты ничего не создал? Созидание и разрушение идут рука об руку.

– Ты права. Повара тоже неплохие психологи.

– До барменов далеко, но мы стараемся.

Мы могли так философствовать всю ночь, но, слава богу, нашли занятие поинтереснее.

Утром Пенни уехала. А я решил, что раз теперь я отстраненный агент и убийца, можно заняться собой. Я побрился, выбросил из холодильника все банки с плесенью, смел с дивана крошки, постирал носки и даже не покурил на голодный желудок.

К обеду такая жизнь мне надоела, и я поехал на работу. Из-за пропажи органов прямо из морга охрану усилили, но меня по старой памяти все равно пустили, даже не спросив пропуск.

Иногда я поражаюсь, сколько всего зависит от связей людей. Как строги мы к незнакомцам и как сильно хотим верить тем, кого знаем.

Размышляя эту мысль, я столкнулся с директором Кордоном.

– Что вы здесь делаете, Маккинли? Извиняться пришли?

– Нет. Забыл линейку в столе.

– Правильно. Я бы вас все равно не извинил.

Я молчал. Кордон уже даже не смотрел на меня, но все равно продолжал унижать. Сейчас он в своем страстном порыве не различает кто я, его подчиненный, кассирша в супермаркете или работник заправки. Ему важно показать свое превосходство. Финансовое, умственное, карьерное... Я сделал шаг в сторону. Еще один. И еще. Кордон не заметил, как я ушел. Он все еще смеялся над своей остротой, про то что меня надо выставить в палате мер и весов как эталон невежества в вакууме. По мне, так это идиотизм. В вакууме ведь нет звука. И никто не услышит моего невежества.

Офис пустовал, и я пошел к доктору Летсману. Он все-таки психиатр и умеет оскорблять людей так, что они потом остаются довольны.

– Здравствуйте. – я заглянул в кабинет.

В кресле, а точнее на его спинке, сидел юноша и теребил собственные рукава.

– У меня пациент Ирвин. Подожди в коридоре.

Я сел у самой двери.

– Вам стало легче, когда вы разбили процессор? – хриплый размеренный голос доктора Летсмана доносился из-за тонкой двери.

– Это системный блок! – кричал парень. – Как можно их путать?!

– Простите, мистер Макдолан. Я в этом, как говорят, чайник. Возможно, к концу нашей терапии, я научу вас контролировать свою злость, а вы меня отправлять емейлы. Так вам стало легче?

– Нет. Вы меня не поймете. Я поставил новые драйвера.

– Раз вы понимаете больше меня, то разрубить системный блок было плохой идеей. Вы бы справились, с помощью терпения и своих знаний. Вы были злы на ситуацию. С таким же успехом вы могли покричать в окно. Знаете, что мы с вами сделаем. Каждый раз, когда вы будете злиться, откройте окно...

– И выбросить туда вас, доктор. – Макдолан повысил голос.

– Вы опять злитесь. Вы хотите меня ударить?

– Да! Хочу.

Раздался шум, и я ворвался в кабинет. Парень успел только опрокинуть кресло. До Летсмана он не добежал. Я повалил его на пол.

– Что? Не нравится? Старик, то тебе не ответит. И компьютер не может ответить.

Заломив руки, я подтащил этого ублюдка к старенькому компьютеру доктора Летсмана, который пылился у него в кабинете без дела. Устроив лоб пациента возле дисковод, я стал методично нажимать на кнопку. Дисковод сталкивался с его лбом снова и снова.

– Как тебе такое восстание машин? Малолетний говнюк! – меня веселило происходящее и пугало одновременно.

– Вы не имеете право! – вопил Макдолан, мотая головой.

– Считай, что это пиратское программное обеспечение! – я отпустил его и то вылетел из кабинета пулей.

- Ирвин! Так нельзя! – вскочил Летсман со своего кресла.
- Он напал на вас!
- Мы боремся против насилия.
- Любая борьба – это насилие. – я уселся на место пациента.
- А что если он подаст на тебя в суд? Что если, ты спровоцируешь его на преступление?
- Преступление? Нам уже эвакуировать офис Майкрософт? Или подождать как этот сосунок сменит трусы... Этот щенок теперь и камушек не пнет.
- Ирвин, что с тобой происходит? Это из-за отстранения? – Летсман сел обратно.
- Не надо меня анализировать! – закричал я., наверное, в глазах Летсмана я был не хуже

Макдолана.

- А мне кажется, тебе нужна помощь.
  - В окно предложите покричать? – я убрал со лба взмокшую челку и сел, напротив.
- Доктор Летсман усмехнулся. – Был у меня пациент. Сломал фильтр для воды, из-за того, что не мог ждать.
- Так попил бы из-под крана.
  - А какой вариант ты придумал для себя? Пока срок твоего отстранения не закончиться?
  - Я не могу действовать незаконно. Мне будто связали руки, заклеили глаза и уши...
  - Бездействие тоже действие. У тебя есть время обдумать некоторые вещи. В конце концов, просто отдохни.
  - Не могу.
  - Тебя что-то гложет. Скажи мне. Все останется в этом кабинете. Я гарантирую это.
  - Я в чем-то сильно ошибся. Но не могу понять в чем.
  - Людям свойственно ошибаться.
  - Вы врач. А я агент ФБР. Наши ошибки иногда стоят человеческих жизней.
  - Речь об убийстве твоего напарника?
  - Нет. Вы знакомы с неким Датсоном?
  - Да. Я беседовал с ним всего один раз. После того, как его направили в закрытую клинику, я больше не видел его. Но вчера я слышал, что его объявили в розыск.
  - В розыск? – я не был удивлен. Я был возмущен. Я видел, как он умер, а теперь он в розыске. Это какой-то бред.
  - Да. Больше я ничего не знаю.
  - Что вы можете о нем сказать?
  - Мои правила распространяются не только на тебя. Из этого кабинета ничего не выходит.
- Доктор Летсман действительно хороший доктор. Другим человеком из его кабинета я конечно не вышел, но был исполнен решительности.

## Глава 8

Есть ошибки. Есть правила. А я лист. Я пошел к Кордону и попросил прощение. Выражение лица у него было, будто я пил воду, в которой он мыл ноги.

Через три дня мне вернут оружие, значок, гордость и право влачить свою службу в отделе по борьбе с проецированием произвольной агрессии. Будущее профилактики убийств. Будущее Америки.

Чувство, что я где-то ошибся, не отпускало. Или в ком-то. В Датсоне? В Робертсоне? В Лисовски? В Себе?

Я сомневался во всем. Во всем кроме того, что я ел на ужин.

Свинина, базилик, всякие хмели-сунели.

– В следующий понедельник меня восстановят

– Почему мы до сих пор за это не выпили? – спросила Пенни. – Принесите шампанского!

– Думаешь это к лучшему? Думаешь, мое восстановление изменит что-то?

– Люди не меняются.

– Ну, ты же ничего не ломаешь?

– Пластиковая доска. Мне не нравилось, как она скрипит под ножом.

– Мне кажется все наши эмоции, в том числе и злость, делает нас теми, кто мы есть.

– Только личность имеет право на настоящую агрессию. Про того парня... Датсона. Уже знают? – осторожно, чтобы ни задеть меня, спросила Пенни.

– Летсман сказал, что он в розыске. Это странно. Они что не обыскивали его квартиру?

– Он был еще жив, когда мы ушли. Может он и впрямь пустился в бега.

– С огнестрелом? Без медицинской помощи он бы умер.

– У него был пособник?

– Это вряд ли. Такие люди как он, действуют в одиночку.

– Если бы я захотела кого-то убить, я бы взяла тебя с собой. Ты бы пошел? – многозначительно спросила Пенни. Многозначительности вопроса я недопонял и спросил:

– Почему?

– Ты работаешь в органах. Ты мстителен. Ты на грани. Ты мой друг.

– Значит друг? – другие пункты меня почему-то не смутили.

– Любовник звучит слишком пошло и пусто.

Все в моей жизни было пусто и пошло. Но она продолжалась. Сломанные утюги, чайники и даже целый кондиционер. Скотт звонила мне. Я не отвечал. Я не желал больше смотреть на изуродованные тела. Я снял с себя вину. Я не хотел видеть смерть, вспоминать Лисовски, Датсона, Робертсона. Я хотел мило беседовать с разрушителями обогревателей, слушать лав коллекшен шестидесятых и Пенни.

– Агент Маккинли! – Скотт сама явилась ко мне. Он нелепо ковыляла к моему столу на маленьких каблучках. Она была даже накрашена, и я почувствовал неладное.

– Что вы хотите от меня?

– Вы меня упорно игнорируете. Я вас чем-то обидела?

– Совсем нет, агент Скотт. Я недавно восстановился и у меня очень много работы.

– Пасьянс не сходится? – Скотт не была психологом, психиатром, барменом или поваром и поэтому обижала людей. – Вы занимались делом мистера Датсона?

– Он попал под подозрение в убийстве и перешел в другую юрисдикцию.

– Я не думала, что вы бюрократ.

Я и сам не думал. Что же вы так рубите с плеча...

– Я просто не собираюсь вмешиваться в чужие дела. Я не затычка в каждой бочке... – сказал я вслух.

– Датсон объявлен в розыск.  
– Он сбежал? – безразлично спросил я. Я знал, что он мертв. После моего выстрела...  
– Обыск в его квартире подтвердил его причастность к убийству Амалии Лэнс. Той самой женщине, чью голову нашли в прачечной мистер Лэндрю. А также к убийству его соседки три года назад.

– В убийстве Линды Роуш? Его бывшей соседки? – вот это меня хоть и не удивило, но заставило напрячься точно. – Миссис Роуш убил бывший муж. Он признался и был осужден.

– Эрон Роуш был наркоманом. Он мог признаться в чем угодно, будучи неадекватным. Но он не виновен.

– Его выпустят?

– Он повесился в тюрьме. Через полгода после суда.

– Он воровал. Нарушал порядок, употреблял наркотики... Не такой уж невинный. – пожал я плечами.

– Но он действительно никого не убивал, каким бы говнюком не был.

– Что еще нашли у него дома?

– Кровь Лэнс на одежде. Некоторые личные вещи Роуш: украшения и запчасти от ее стиральной машины. До сих пор не понимаю, причем здесь стиралки?

«Естественно не понимаешь. Тебе только выбивать двери и размахивать дубинкой.» подумал я и сказал. – Он их ненавидит. Они стирают одежду грязным людям. Что-нибудь еще? Кровь? Следы борьбы...

– Ничего. Если ты думаешь о Лисовски, то улики нет никаких.

– Не мог же Датсон испариться.

– Он объявлен в розыск. По всем штатам.

– Он в Сиэтле. А все силы брошены на патрулирование Грин Лейк.

– Помоги мне Ирвин.

– А как же ваш напарник?

– Уилсон улетел в Италию на две недели, со своей женой.

– Тесть отправил его отдохнуть. Подальше от опасных психопатов. Как это мило. – ухмыльнулся я. – Знаешь, как я делал в первые годы работы. Я брал стикеры писал на них по одному факту, клеил перед собой и собирал как мозаику в целую картину.

– Я попробую... А что ты делаешь после работы?

– Пособирать с тобой мозаику?

– Нет. – Скотт слегка покраснела. – Хотела позвать тебя в гости, выпить пива...

– Вечером я буду со своей девушкой.

– Тогда увидимся завтра. – Скотт покраснела еще сильнее и быстро покинула офис.

Меня восстановили. Меня приглашают женщины в гости. На улице замерзла грязь. Неужто белая полоса?

Пола, наконец, выписали. Он, мужественно преодолевая боль, наклонился за упавшим карандашом и стонал при каждом движении.

– Меня уговаривали отлежаться дома недельку. Но я все равно пришел на работу. – хвастался Пол.

А ведь есть на свете прекрасные страны бывшего СНГ, где сидеть на больничном, больше десяти дней считается моветоном.

Вызовов не было. Никто ничего не ломал. Никто не проецировал. Мы решили отметить выздоровление Пола и мое возвращение в ближайшем баре. Пришла Скотт, хотя ее никто не звал. Она последнее время оказывалась очень внезапно в моем офисе, на нашей пьянке и в моей постели утром.

Мне было отвратительно и стыдно. Мы пьяные мужчина и женщина. Такое иногда случается, но у меня ощущение, что я предал Пенни. Она хранит мою тайну, об убийстве Датсона и проникновении в его квартиру, а я беру и сплю с кем попало.

Лежа с закрытыми глазами я придумывал оправдание. Такое, чтобы больше не пришлось спать со Скотт, но что бы она продолжала держать меня в курсе дела Мясника Грин Лейк.

Но агент Скотт избавила меня от этого сама. Почти бесшумно, она встала с постели, собрала свою одежду, немного повозилась в ванной и тихонько хлопнула дверь.

Ну что за чудесные женщины попадают мне после развода.

\*\*\*

Пол ехал ужасно медленно, и меня укачало два раза по дороге в бюро.

Буквы на экране не складывались в слова. Тошнило, то ли от выпито, то ли от секса со Скотт. Я черт возьми даже не знаю, как ее зовут.

Громкоговоритель назвал мое имя, и я побрел в кабинет директора.

– Я просмотрел ваш отчет. Все приемлемо, но слишком много личных суждений.

– Хорошо сэр. Я исправлю их. – согласился я, только что бы не стоять, потому что меня шатало из стороны в сторону.

– Агент Маккинли, вы только восстановились и уже приходите на работу в таком состоянии. Как вы это объясните? День Святого Патрика вроде бы весной.

– Я не ирландец.

– Ирландцы, шотландцы. Все вы одинаковые тунеядцы на британской шее. Папилломы подмышкой королевы. Едите к нам, в Америку, думая, что здесь деньги падают с неба.

– Я не ехал к вам в Америку за легкими деньгами. Родители привезли меня сюда ребенком.

– У всех у вас есть оправдание!

– Я думал, вы ненавидите расизм.

– Да ненавижу. Человек, не может выбирать с каким цветом кожи и разрезом глаз ему родиться. Но может выбрать страну, которой будет верен. Законы, которые будет чтить. Вы, агент Маккинли, не уважаете и не считаетесь с...

Нас прервал телефонный звонок. Кордон пригладил свои новые волосы, будто через телефон его могли видеть.

– Директор Кордон. Да. Что? Да. Он здесь. – Кордон поднял глаза на меня и легкое волнение начало вытеснять похмельный синдром.

– Может еще закажите ему пиццу или отсосете? Да. Сейчас приедет.

Кордон медленно вернул трубку на место и многозначительно посмотрел на меня.

– Что вы сделали, Маккинли?

– Пришел на работу с похмелья. Такого больше не...

Директор стукнул по столу и заставил меня замолчать...

– Девятнадцатилетний сопляк, вооруженный полуавтоматом, захватил заложников в здании Майкрософт и требует вас...

– Макдолан? – с опаской уточнил я.

– Вы знакомы? Что, из одной деревни?

– Я слышал о нем от коллег и видел на приеме доктора Летсмана.

– Согласно отчетам, парень крушил свой ПК два раза минимум. Он требует вертолет, бесплатные обновления на восьмерку и вас, агент Маккинли.

– Зачем ему я?

– Вы еще здесь? Вы уже должны быть у офиса. Нет. У ног Макдолана!

И я поехал. Машина ждала меня уже у входа. В чем уж Кордон и был хорош – это в скорости и пунктуальности. Он за секунду мог подать машину, получить разрешение, оформить документы, смешать подчиненного с грязью.

Мне открывали дверь и подавали зонт. Хорошо хоть яблоко в рот не вставляли.

– Агент Маккуиннли?

– Маккинли. Без «у». – поправил я командующего операцией.

– Как вас зовут? – его взгляд метался между мной, монитором и другими участниками операции.

– Ирвин.

– Ирвин. Ты не против, если я буду с тобой на ты.

– Нет. А вы...

– Дэн. Просто Дэн. Ты должен надеть бронежилет, Ирвин.

Теперь стало ясно, почему он хотел называть меня по имени. Доктор Летсман говорит, что звучание собственного имени успокаивает. Именно имени, не фамилии.

Ирвин – успокаивало. Бронежилет – нет

– Это беспроводная гарнитура. – Дэн надел мне на ухо неудобный наушник. – Мы будем слышать все, что происходит вокруг тебя. В любой момент ты можешь, сообщить нам об угрозе.

– А можно, хотя бы узнать, что происходит? И зачем я нужен.

– Какой-то псих, из ваших. Захватил офис Майкрософт. На почве резко возникшей острой неприязни к их программному обеспечению. Бывает. Я вот Линукс ненавижу. Еще с колледжа. Но к таким радикальным мерам не прибегаю.

– У него есть заложники?

– Около двадцати работников. Они в порядке. Пока что. Он сказал, что будет убивать их по одному, пока ты не приедешь. Ты с ним знаком?

– Один раз видел... Он проходил у нас по делу...

– Ты должен войти в здание и следовать указаниям. Мы постоянно будем на связи. Ничего не предпринимай. Не повышай голоса. Делай все спокойно. — Дэн говорил очень быстро, но не для того, чтобы побыстрее отвязаться. Он жестикулировал, смотрел в глаза.

В это время на меня натягивали бронежилет, шлем, дурацкую куртку со светящимися полосками. А я стоял как болванчик и кивал головой. Меня все используют. Дэн. Этот гаде-ныш, захвативший здание, Кордон, Скотт. Я для них кукла.

Как и советовал Дэн, я медленно двигался к входу, держа руки на виду. В этот момент стало кое-что проясняться. Я ошибаюсь. Я был уверен, что вреда от Макдолана, как от мухи и прогадал. Я был уверен, что Робертсон себя проявит и того убили. Я был уверен, что застрелил Датсона, но тело того испарилось. Я был уверен, что Джоуша убил Датсон.

Машины остались далеко позади. Я толкнул дверь. Как жаль, что я не был уверен в том, что Макдолан меня пристрелит.

В светлом просторном холле было пусто. Информационные стойки, двери, лифты. Я остановился посередине, ожидая дальнейших указаний.

– Кто явился! – раздалось эхом со всех сторон.

– Я вас слушаю! – громко ответил я, в надежде, что меня слышат.

– Не ожидал такого? Что ты теперь сделаешь?

– А чего ты хочешь?

– Я не опущусь до твоего уровня. Не буду тебя унижать.

– Спасибо. Тогда для чего ты хотел меня видеть?

– Я хотел, чтобы ты видел меня. Я не слизняк! Я убью всех заложников!

– И ты можешь доказать это лишь тем, что убьешь ни в чем невинных людей?

– Сядь в третий лифт.

Я подчинился.

– Молодец Ирвин. – шипящую тишину в наушнике прервал ободряющий голос Дэна. – Продолжай разговаривать с ним.

Он держал заложников на пятом этаже. Они все сидели у стены, под окном, закрыв головы руками и прижавшись друг к другу.

Первый свидетель был неправ. Мы не особенные. Мы все долбаные листики, которые рвутся на ветру.

– Здравствуй. – я кивнул Макдолану. Он сидел на корточках на столе. На плече висело кустарное подобие M14.

– Сядь за стол.

– Я пришел к тебе, как ты просил. Отпусти заложников.

– Сядь за стол! – он поднялся в полный рост и направил на меня оружие.

Я отодвинул стул и сел.

– Видишь клавиатуру? Ударься головой об нее.

– Это твоя месть?

– Делай, что я говорю! – Макдолан нервничал. Его лицо покрывала испарина. Автомат дрожал в неумелых руках.

– Я не собираюсь биться головой.

– Делай! Или я убью заложника! – он махнул дулом в сторону кучки работников.

– А смысл? Я все равно не ударюсь.

– Делай что он велит, Ирвин! Не спорь с ним! – приказал Дэн.

– Убьешь меня. Убьешь этих людей... Что изменится? Ты попадешь в тюрьму. Там не будет компьютера. Никакого. Будешь умолять о девяносто восьмой. О ДОС MS.

Он спрыгнул со стола, пересек офисное помещение и, схватив меня за затылок, приложил к клавиатуре. Пластиковые кнопки больной впились в щеку и губу. И еще раз. И еще.

– Правда, весело?!

– Нет. – посмотрел я на него снизу-вверх. Я прикусил губу во время удара, и теперь из нее шла кровь.

– Как тебе такое сопляк! Ублюдок!

– Извинись перед ним! – крик Дэна прозвучал не хуже очередного удара. – С тобой хотят поговорить! Передаю трубку!

– Ирвин! – я услышал перебиваемый шорохом голос Пенни. – Доктор Летсман сказал мне, что ты здесь!

– В нашем отделе ничего не утаить. Как теплую воду в заднице.

– Кончайте болтать! Пусть этот ушлепок закроет свой рот! Закрой ему рот Ирвин!

– Заткнись. – передал я Макдолану и тот слегка растерялся.

У него ведь оружие. Ему не могут заткнуть рот. Или могут?

– Ты не ошибся.

Да я не ошибся. Я просто недобдел.

– Ты можешь исправить это.

– Что червяк? Насладился? – спросил я. – Что изменилось?

– Я буду стрелять!

– Ты уже час обещаешь!

Макдонал не выдержал и выстрелил в потолок. Пока его рука была наверху. Пока Пенни говорила мне, что я могу. Я вскочил со стула и повалил его на пол. Раздались выстрелы. Я ударил его по руке. Затем по лицу. Я увидел кровь. Она была на лице Макдолана. На моих руках. На полу. На брюках одной из заложниц. Она кричала. Макдонал кричал. А я бил его голове. Я слышал голоса в наушнике. Шум сирен. Крики за дверями. Радостные вопли заложников. Свои удары. Макдонал не сопротивлялся. А я все еще бил его бил, потому что я могу. Я почувствовал руки, которые тянули меня за плечи и подмышки. Воду, которой поливали мое лицо, пытаясь напоить. Вонючее одеяло, которым накрывают всех пострадавших, и никогда не стирают.

– Ты молодец Ирвин! – Дэн хватал меня за лицо, своими потными руками. – Мы сделали это.

– Никто не пострадал?

– Ранена заложница, но врачи говорят, что ничего серьезного. Пуля не задела кость и артерии.

– Где Макдонал?

– Его уже увезли.

– Куда?

– В морг. Ты убил его, Ирвин.

– Убил? – холодный ветер на мокрое лицо и фраза «ты убил его, Ирвин.» выбросила меня в реальность, как рыбу на сушу.

– Ты сломал ему череп. Да не переживай ты так! Таких, обычно, убивают на месте. Ты спас людей.

– Я забил его насмерть? – спросил я. Мне не было страшно. Будто это был не я. Будто это был герой очередного сериала, что я смотрю, который убил очередного злодея.

– Теперь они поедут домой. Обнимут своих жен и мужей, родителей и детей!

Я был очень рад за них. Но не рад за себя. Дэн убежал. Он размахивал руками и быстро говорил что-то отъезжающим машинам.

Теперь ко мне подошла Пенни. Она скинула с моих плеч грязное одеяло и уселась рядом.

– Спасибо, что говорила со мной.

– Всегда пожалуйста. Дэн отличный парень. Хороший руководитель. Я рада, что ты работал с ним.

– Он воспринимает все как должное.

– Разве это плохо?!

– Посмотри на этого позитивного активиста! Уверен он так же радуется, если живы больше пятидесяти процентов заложников! Только представь все его провалы?

– Прости дорогая, я все! Но пятьдесят процентов из нас все же испытало оргазм! Мы будем над этим работать! – Пенни смешно повторила его голос, и я улыбнулся через боль в прокушенной губе.

– Я молодец, я спас людей. Но я мог остановиться.

– А хотел? – спросила Пенни.

– Не хотел. Но должен был...

– Ты никому ничего не должен, Ирвин. Никто никому ничего не должен. – люди боятся хаоса, но желают его. Люди рождаются в хаосе и до самой смерти пытаются его перебороть.

– Это вы? – женщина с перевязанной ногой, ковыляла в мою сторону. – Это вы! Боже. Спасибо вам большое! – странная дамочка обняла меня за шею своими пухлыми руками. – Спасибо! Вы герой! Если бы не вы, этот псих бы нас всех перестрелял.

– Не за что меня благодарить. Это моя работа.

– Нет есть за что. – спорила женщина.

– Тогда спасибо всем, кто участвовал в операции.

– Они были снаружи. Никто не знает, как бы повел себя в такой ситуации. Самые храбрые иногда бегут в страхе. А трусы наоборот. Спасибо вам. Именно вам. От всех нас.

Она благодарна мне. И все остальные тоже. Они считают меня героем, за то, что я забил насмерть человека у них на глазах. Странные люди.

Но даже то, что я сегодняшний герой не освободило меня от работы. Пришлось вернуться в офис, где меня ждала долгая беседа с Кордоном.

– Вы спасли заложников. Вы молодец, агент Маккинли, но все же, офис был захвачен из-за вас. Откуда Макдолан знал вас? Вы ведь были отстранены в том время.

– Он видел меня один раз. На приеме доктора Летсмана. Я зашел поздороваться, он как был на сеансе.

– Один раз? Может вы с ним родня? Знаете, анекдот про то почему в Ирландии не популярна групповуха? Потому, что есть большой риск трахнуть свою тетушку. – Кордон гадко рассмеялся.

Я выслушал еще пару колкостей в адрес моей национальности и был отпущен. Казалось, уже ничего не может сделать день хуже. Но нет.

– Привет Ирвин. – Скотт поймала меня прямо на выходе. – Рада видеть. – она густо покраснела, и эти залитые краской щеки выглядели нелепо на одном лице с мужским подбородком.

Я наконец прочитал на ее бейдже имя – Джоанн.

– Привет, Джоанн.

– Слышала о твоём подвиге в Майкрософт. Поздравляю Ты герой. Как себя чувствуешь?

– Нормально. И я не герой, не надо меня так называть.

– Я хотела с тобой поговорить, но все некогда было зайти. По поводу вчерашнего.

– Да...

– Я надеюсь, это не повлияет на наши рабочие отношения? Ничего ведь нет в этом страшного. Мы оба взрослые люди.

Я выдохнул.

– Конечно, нет. Что ты Джоанн.

– Фух! Гора с плеч.

– Датсона не нашли?

– Пока нет. Я пробую твой метод мозаики.

– И как?

– Слишком мало паззлов. Но думаю, у нас получится.

У нас? Когда это она и я успели превратиться в мы?

## Глава 9

Пенни говорила, что специи раскрывают ароматы и вкусы именно при нагревании. Но если просто посыпать ими холодные макароны, тоже ничего. На зубах разве что скрипят.

Свой скромный, ужин я запил пол литрами ромового напитка и провалился в сон. До сегодняшней ночи я не видел кошмаров никогда. Не после практик в судебном морге, не после преступлений. Даже в детстве ко мне не приходили под кроватьные монстры.

Сегодня пришел Макдолан. Пятый этаж офиса Майкрософт. Я разбиваю ему голову руками. Снова и снова. А заложники радостно визжат. Некоторые даже аплодируют. Bravo. Бис! Потом пришел Робертсон. Уже мертвый. И чувство, что убил его я. Так же как Макдолана. Я проснулся в холодном поту. На часах половина четвертого. Звонит телефон. Это Бен. Он назначает мне встречу, и я выезжаю. На улице хлещет дождь. Мы заходим с ним в парк. Я валю его на траву и начинаю душить. Он хочет мне что-то сказать, но не может, потому что мои руки перекрыли ему горло.

Я проснулся в холодном поту. На часах половина четвертого. Я проверил телефон, дверь, ботинки. Я никуда не выходил. Меня никогда не беспокоили сны. Обычно это чушь, которая забывается поутру или даже в своем сне я работаю. Позвонить доктору Летсману? Он конечно же спит. И к тому же я не слишком доверяю его врачебной тайне. Зато доверяю поварской.

– Да. – голос Пенни бодрый.

– Не разбудил?

– В ресторане был закрытый банкет. Я только домой зашла. У тебя все в порядке?

– Да... Нет. – я путал слова.

– Я сейчас приеду.

Я старался не засыпать, до приезда Пенни, но все равно задремал в прихожей. Когда в дверь постучали, мне было страшно открывать. Я не знал кто там? Я не знал сплю я или нет. Я не знал, что сделаю с тем, кто пришел.

– Пенни. – я был рад видеть ее, сон это или нет. Пенни была единственной кому я мог доверять.

– А ты ждал кого-то еще? Что случилось?

– Мне кажется я болен. Я схожу с ума.

– А кто не сходит? – Пенни уселась на пол напротив меня. – Это из-за сегодняшнего происшествия?

– Это из-за всего. Я себя не контролирую. Я превращаюсь в параноика и психопата, который будет ломать телевизоры и в конце концов...

– Нет. У тебя просто стресс. Я могу утверждать, что ты такой же, как и всегда. Просто пережитое, меняет твои взгляды на себя и окружающую действительность.

– Меня меняют убийства.

– Непривычно работать своими руками? Это как пересаживаться с автомата на механику.

– Хочешь сказать, что все в бюро убийцы?

– Это ваша работа.

– Если убить убийцу...

– Меньше их не станет... Да. Я смотрела Бэтмена.

– Я рассказывал тебе, когда первый раз стрелял в человека? Это было лет семь назад. Его звали – Филипп Корен. Он насиловал и убивал женщин. Когда мы вышли на него, было уже семь жертв. Ни в чем неповинные девушки. У которых могла быть долгая и счастливая жизнь. Мы ловили на живца. На нашу сотрудницу. Все было под контролем. Я так думал. Но когда он напал на нее, я не выдержал и спугнул его. Он начал убегать. Я бежал за ним. Я предупреждал, что буду стрелять. Я стрелял просто в пустоту и ни разу не попал. И он напал еще.

- Ты поступил правильно. Тебе стоило его застрелить на месте.
- Он был болен, а я нет! Он был животным, а я человеком.
- Люди убивают животных каждый день. Ради забавы или пропитания.
- Ради забавы. Это и отличает нас от зверей. У них инстинкты. Они убивают только ради пищи. Ради защиты стаи и потомства.
- Наш психолог Зимбаро, недавно доказал, что любой человек, при определенных обстоятельствах может стать зверем.
- Да. Доктор Летсман рассказывал мне.
- Знаешь почему нам снятся сны? Мы не успеваем. Мы засыпаем, но продолжаем думать.

И получаем в ответ очень живые картины.

- Надо меньше спать...
- Я сплю четыре часа. Не больше. Но и не меньше.
- Как Наполеон. – усмехнулся я.
- Ты будешь спать? – серьезно спросила Пенни.
- Постараюсь.
- Ложись. А я буду здесь.
- Будешь охранять мой сон?
- Убью любого, кто его нарушит.

И последние два часа я спал как никогда раньше. Я проснулся самым выспавшимся человеком, каким можно проснуться в семь утра.

Паника в районе солнечного сплетения улетучилась. Легкий незримый покой сопровождал меня везде. Когда ездил осматривать изуродованный факс. Когда на нас орал Кордон. Когда Пол включал первого свидетеля. Когда мне продали эспрессо вместо американо. Я был спокоен. Потому что знал, что любому, кто нарушит мой покой – не поздоровится.

Мы с Пенни проводили много времени вместе. Я заезжал к ней в ресторан. Она торчала у меня в офисе, вместо сеансов у Летсмана. Мы вместе пили по вечерам и вместе спали. А утром я уходил в вонючие прокуренные квартиры, смотрел на разбитую технику и ее конченных хозяев. Я рассказывал Пенни все что видел. А она мне в ответ. Про очередного клиента с безудержным самомнением и наглостью. А вечером она кормила меня ужином. Мы обсуждали все подряд, от психических расстройств и политики до моей бывшей жены и того, что блески для губ делают из бычьей спермы. Мы пробовали вместе бросать курить.

Крушилась техника. Неукротимые порывы проецирования гнева не прекращались, но я был их укротителем. Джоанна Скотт держала меня в курсе всех ее дел. Просила советов. Ее напарник сел на больничный. Но судя по фото в фейсбуке, отдыхал со своей женой где-то в Норвегии.

- Я прикрепился к ветке.
- Или поймал нужный ветер. – доктор Летсман смотрел на меня поверх очков.
- Я самый счастливый лист. Вы встречали такое в своей практике?
- У моих пациентов, как правило, есть проблемы. У тебя их нет. А значит, во мне нет необходимости. Ко мне не ходят хвастаться.
- Я хожу. Вы хороший друг.
- Я искренне рад за тебя Ирвин. Ты на верном пути. В последнюю нашу встречу ты бы растерян и зол.
- И напуган.
- Тебе виднее, Ирвин.
- Я понял, в чем мои проблемы.
- В течении всей жизни мы познаем себя. Мы принимаем свои желания и боремся со страхами, чтобы оказаться на наивысшей точке своего душевного равновесия.
- Моя голова вознеслась. И не убоится сердце мое...

– Вы читаете Евангелие?

– Армин. – обратился я к врачу по имени. – Я пришел к тебе как другу. Не анализируй меня.

– Я не тот друг, которому ты можешь передать свою эйфорию и получить тоже взамен. Но я правда рад за тебя Ирвин. Не потеряй своей ветер.

– Постараюсь.

Мне хотелось творить. И я вытворял. Я пил прямо на работе и занимался всякой ерундой, от поиска в базах чужих убийц, до оригами из бумаги, и никакой директор Кордон, не мог меня остановить. Никто не мог. На моем столе стояла почетная грамота от отдела по борьбе с терроризмом и стопка благодарностей.

Один лишь президент не жал мне руку за то, что я разможил голову террористу на глазах у заложников и закидал их его мозгами.

Я пристрастился к кулинарии. Началось все с кетчупа, потом я даже грел еду и вот сейчас я создал запеканку из слипшихся макарон и остатков колбасы, которые более-менее сносно пахли. И я понял, что Пенни меня любит. Иначе бы есть она это дерьмо не стала.

– Я впервые за последние полгода чувствую себя счастливым. – рассуждал я. – Даже на работе. И я даже не думаю о мертвецах.

– Тебе не интересно куда исчезло тело Датсона? – спросила Пенни.

– А какое мне до этого дело? Я убил его. Я знаю это. А розыск и исчезновение – дело рук бюро. Я видел, как они фабрикуют дела и улики.

– Ты тоже этим занимался?

– Джоуш занимался. Он слишком много знал, так что его смерть, чьих бы рук она не была, логичное завершение. – я сказал это. Я выдохнул это как пар из выходит из духовки. Тепло от вина разливавшееся по телу, осело под тяжестью осознания собственной правоты. Джоуш слишком много знал.

– Твои рассуждения параноидальны.

– То категоричны, то принципиальны, то параноидальны.

– Не думала, что ты человек крайностей.

– Я тоже. – я повернулся и поцеловал Пенни. – Ты знаешь обо мне больше чем я о тебе...

– Что тебе рассказать?

– Что угодно.

– А ты меня не арестуешь? – рассмеялась Пенни.

– Я подумаю...

– Что ж... Что ты хочешь знать? В детстве я не была толстой, надо мной не издевались в школе, и я не била себе татуировок по пьяни...

– И кто еще из нас категоричен... Почему ты стала поваром? Вот у меня родители всю жизнь проработали в полиции, я тебе рассказывал...

– Моя семья не гордится мной. Они люди творчества... Мой дед был коком на военном британском корабле. В сорок пятом он причалил к берегам Италии, оставил после себя руины и ребенка моей бабушке. Больше его не видели...

– Кулинария тоже творчество... Твои родители живут в Италии?

– Мать и бабушка да. У них там свое ателье. Мой отец живет в Германии, нюхает кокаин и рисует голых женщин. Мой брат бойкотирует цифровые технологии, живет в шалаше и собирает мусор с берега. Моя старшая сестра со своей женой путешествует по Азии. Мой второй брат фотограф – сейчас судится со своими моделями за домогательства...

– А я единственный ребенок в семье...

– Повезло тебе. – усмехнулась Пенни.

– Я не умею работать в коллективе.

– В твоём коллективе любой из основоположников коллективизма повесился бы на собственном галстуке. Где их набрали?

– Это экспериментальная программа. Её организовали четыре года назад. Наш директор раньше работал в отделе финансовых преступлений. Я в особо тяжких... Кто где. Кого-то было жалко уволить и его переводили в проецирование агрессии, кому-то нужно было освободить денежное тёплое местечко, в отдел проецирования...

– Но ведь создать целый отдел, платить агентам, экспертам, техническое обслуживание, транспорт... И за это я плачу налоги?

Мне было смешно и было грустно. А завтра надо было на работу.

Ничего не предвещало беды. Пенни сделал мне утром яичницу с беконом. Пол помыл машину, и теперь в ней пахло дешевым освежителем воздуха в форме елочки, а не памперсами. Кордон был на конференции. На улице прекратился дождь. Вместо него пошел мокрый снег. Даже первому свидетелю было, нечего сказать.

Но не у всех перед глазами была завеса счастья, благодаря которой на кучах дерьма расцветают ромашки, и ты перепрыгиваешь обдолбанных бомжей и остатки асфальта на крыльях любви. Были и сознательные граждане.

И ровно в час дня мы выехали. На углу Лантона и шестьдесят первой кто-то организовал целую свалку техники. Клубки разорванных проводов, колонки, микшеры, микрофоны, усилители. Все были вдребезги разбиты. Я ощутил, подступающую к горлу, тошноту. Мне было трудно заставить себя смотреть. Я не испытывал таких чувств, даже на берегу Грин Лейк, среди расчлененных трупов. Эта картина мне казалась куда хуже и развращённое. На сколько же ничтожным может быть человек, сотворивший такое с беспомощными предметами. Насколько слаба и убога его ярость, перед людьми. Мне было жутко, и было жалко. Жалко того, кто не может разобраться с причиной. Кто обречен расправляться с заведомо безжизненным, не имея сил забрать настоящую жизнь. Я присел на бордюр и закурил.

– Весь этот хлам был выброшен из окна. На десятом этаже расположен офис радиостанции. Это оттуда. – сказал Пол.

Лифт ехал медленно и жутко гудел. И мне не хотелось выжигать кнопки или испражняться на двери. Мне хотелось найти того строителя. Я наконец научился собирать мозаику целиком.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.